

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ДЕНИС ШАБАЛОВ
ПРАВО НА ЖИЗНЬ

FUTURE CORP.

Annotation

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Вся история человечества — это войны, борьба. Борьба за выживание, за ресурсы, за независимость, за веру, за идеалы... Какой там гуманизм, какое «возлюби ближнего своего»?! Хочешь жить? Убей и забери. Вот и вся философия. Ведь право на жизнь и право на силу всегда идут рука об руку. Данил Добрынин и его боевые товарищи знают: если не взять штурмом хранилище Росрезерва — их родное Убежище рано или поздно превратится в могильник. Они просто хотят жить, и это их право — право на жизнь...

Денис Владимирович Шабалов
Метро 2033: Право на жизнь

Алло, мы ищем таланты!

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Три с небольшим года прошло с тех пор, как был дан старт проекту «Вселенная Метро 2033».

Сейчас вот, перед тем как писать вступительное слово к роману Дениса Шабалова «Право на жизнь», я подошел к своей книжной полке, на которой у меня выстроилось полное собрание наших сочинений, взял с нее «Путевые знаки» Владимира Березина и перечитал свою объяснительную записку к этой книге — первопроходцу нашей серии. И обнаружил в этой записке много обещаний (по большей части осуществившихся), главным из которых оказалось обещание опубликовать в нашем проекте новичков.

Три года назад это казалось довольно смелым заявлением: любой редактор любого издательства скажет вам, что в нескончаемом потоке рукописей, который хлещет из его почтового ящика, нет почти ничего, стоящего публикации. Что найти талантливого автора — большая редкость. Тем более, если хочешь, чтобы новички писали исключительно на заданную тему.

То есть три года назад мы как бы бросили клич — довольно самонадеянно, не задумываясь о том, насколько все это реалистично. Просто мне лично показалось, что было бы здорово, если бы проект «Вселенная Метро» дал путевку в писательское ремесло не только мне самому, но еще и другим людям.

И вот прошли эти три года. Андрей Дьяков, Сурен Цормудян, Анна Калинкина, Грант МакМастер, Андрей Гребенщиков, Захар Петров, Игорь Вардунас, Ирина Баранова и Константин Бенев, и наконец Денис Шабалов — все эти люди начали с Метро. (Можно спорить по поводу Сурена, но «ВШНБ» тоже изначально публиковался на форуме еще старого) Почти половина всех книг, изданных в серии до этого момента, написана авторами с портала Metro2033.ru — и почти все они вошли в список самых любимых у читателей, а первое место на конкурсе «Лучшая книга Вселенной» два года подряд завоевывал некогда новичок Андрей Дьяков.

Я, помню, клялся, что «Вселенная» не превратится в фабрику, где сборка книг будет производиться конвейерным методом; сейчас вот смотрю на свою книжную полку и понимаю: пока нам удается оставаться креативной лабораторией.

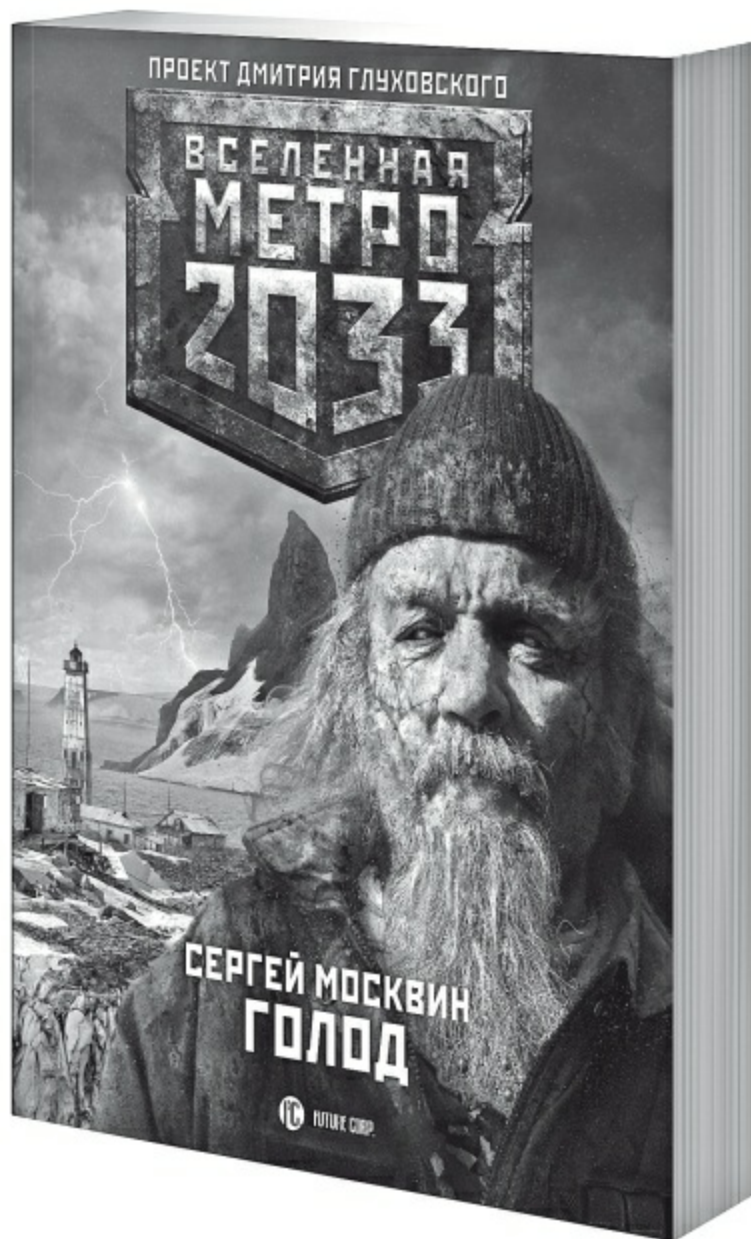
Среди тех книг, которые выходят в серии, похожих друг на друга все еще очень мало, и «Право на жизнь» Дениса Шабалова, вторая книга будущей трилогии, опять здорово выделяется в общем ряду. А еще пуще выделяется в ряду авторов сам Шабалов. Но это надо прочесть роман и зайти на страницу Дениса «ВКонтакте», чтобы понять, о чем я.

На достигнутом останавливаться не в нашем стиле, поэтому сегодня, три года спустя, я повторяю призыв: пишите! Постите на портале Metro2033.ru! Участвуйте в жизни нашего сообщества! Все реально.

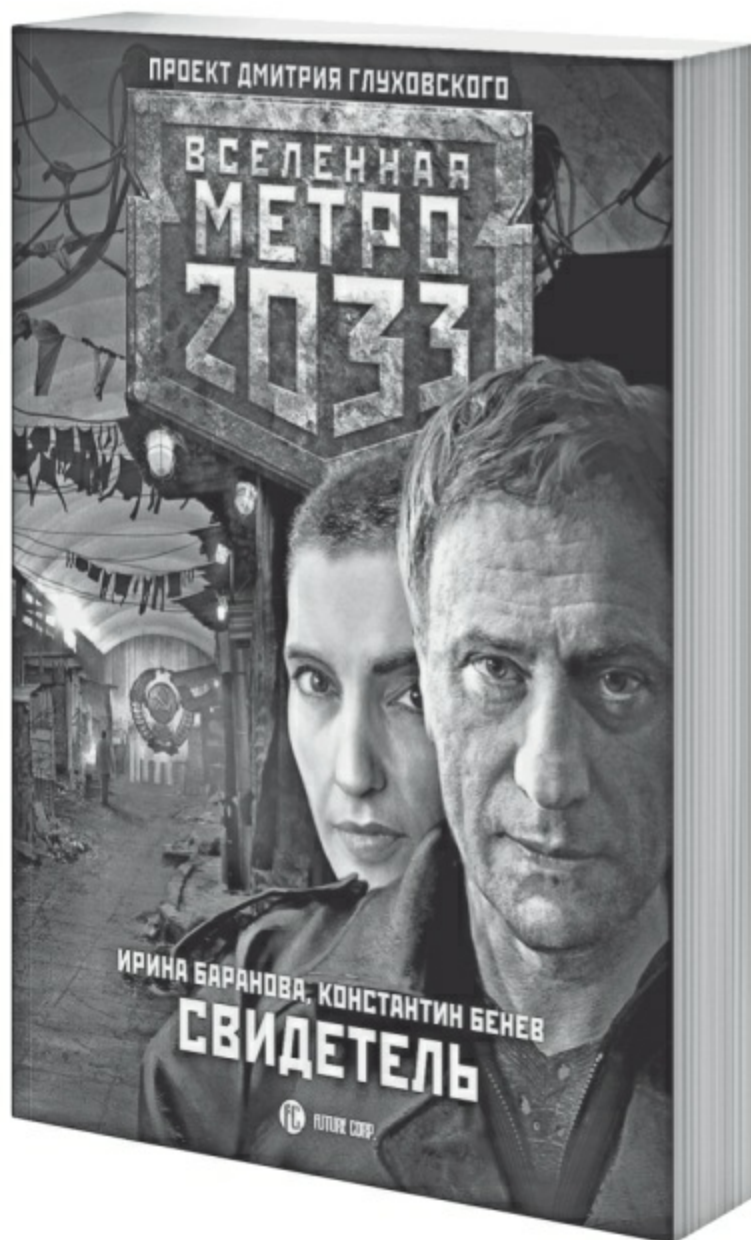
Если вы любите «Вселенную», то и «Вселенная» любит вас.

Аминь.

Дмитрий Глуховский

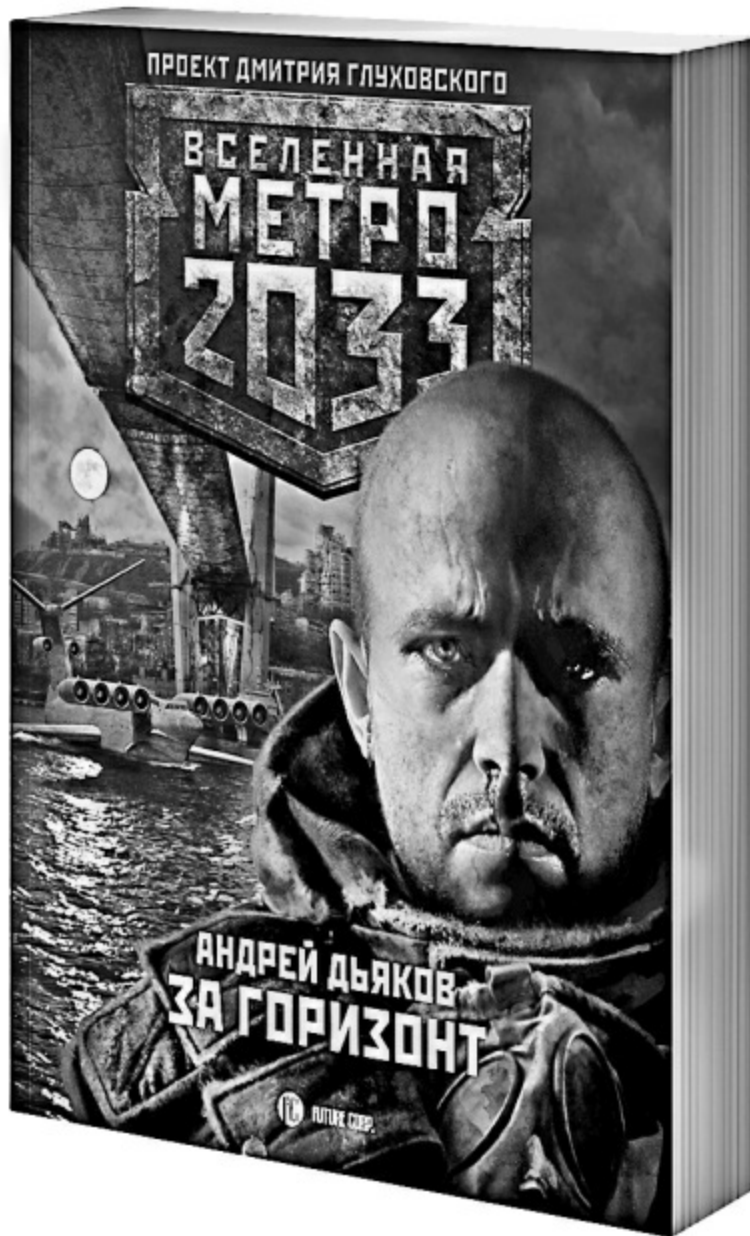
Архипелаг Новая земля. Каменистые, пустынные острова, со всех сторон окруженные ледяной водой. Полярные ночи. Пронизывающий ледяной ветер. Ужасные хищники, появившиеся после Великой Катастрофы. И — голод. Самый страшный, самый беспощадный, самый непобедимый из всех врагов, с которым столкнула небольшую общину выживших новая реальность. День за днем, месяц за месяцем, год за годом люди отчаянно сражаются с ним, раз за разом заставляя на время отступать. Но они еще не знают, что таится под землей, совсем рядом с их убежищем. И что такое **ИСТИННЫЙ ГОЛОД**...

В Северной Конфедерации, что образовалась на месте четырех станций метрополитена Санкт-Петербурга, всегда спокойно, как в Багдаде Гаруна аль-Рашида. Да и как может быть иначе? Ведь от всевидящего ока Алекса Грина не укрыться ни одному преступнику. Злоумышленник обязательно будет схвачен и понесет наказание в соответствии с тяжестью содеянного. Суд суров, но справедлив, ведь Грин — главный свидетель обвинения — никогда не ошибается. Никогда?..

После отражения нападения варварских орд на Полярные Зори в жизни рыжего саама Нанаса и его жены, «дочери небесного духа» Нади Будиной, кажется, наконец-то наступило долгожданное затишье. Казалось бы — живи да радуйся. Но Надя не может успокоиться, пока не побывает на месте гибели своего отца. Начальник гарнизона города Ярчук обещает помочь в обмен на сокровища, оставшиеся на базе подводок в Видяево. Но только ли в этом дело? Кто знает, какие сюрпризы уготовила судьба молодоженам и их верным друзьям? Ведь это — Север. Тут все иначе...

Встречайте завершение трилогии самого популярного автора «Вселенной Метро 2033», двукратного лауреата премии «Лучшая книга Вселенной»!

Империя Веган начинает тотальную экспансию с целью подчинения всего Питерского метро. Одновременно с этим Таран, Глеб и их команда узнают о секретном научном проекте «Алфей», благодаря которому есть шанс очистить от радиации всю поверхность Земли. Но у противоборствующих сторон свои взгляды на то, где должен находиться самый умелый наемник Петербурга во время войны. Из города приходится пробиваться с боем, навсегда сжигая за собой мосты. Впереди — многие тысячи километров смертельно опасного пути и постоянный страх — за себя, за друзей, а главное — страх того, что там, за горизонтом, может не оказаться ровным счетом ничего...

По залитой утренним осенним солнцем железнодорожной насыпи, с подернувшимися ржавчиной полосами рельс и трухлявыми, рассыпающимися от старости шпалами, бежал человек.

Он двигался неторопливо, размеренно, временами переходя на шаг, доставая в такие моменты из подсумка на поясе бинокль и внимательно осматривая складки окружающей местности в поисках непрошенных гостей. С первого взгляда могло показаться, что человек обнажен — по всему его массивному, глыбоподобному телу во время движения то тут, то там вспухали чудовищные выпуклости гипертрофированных мышц — однако при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что виной тому впечатлению его черный, словно перевитый толстыми канатами искусственных мускулов, комбинезон. Он закрывал полностью все тело, за исключением толстой борцовской шеи, переходящей в мощный загривок, абсолютно лысый, без следа растительности череп и лицо с косым рваным шрамом на левой скуле, заросшее недельной щетиной, начавшей уже превращаться в маленькую курчавую бородку. Последние недели человек брился ножом, затачивая кромку до бритвенной остроты, и эта процедура не приносила ему удовольствия. Потому к бритью он старался прибегать как можно реже, и если бы не крайняя необходимость в опасных местах надевать шлем, человек, вероятно, отрастил бы бороду еще в самом начале своего путешествия. Бриться было не для кого — он старался избегать редких селений, сохранившихся пока еще на просторах его необъятной родины, лежащей в фоящихся радиацией руинах, обходя их семиверстовыми крюками. Тем же существам, что встречались ему на пути, было совсем не интересно, гладко выбрит человек или нет. Их интересовали только две вещи: можно ли сожрать одинокого путника и насколько легко это будет сделать? И судя по тому, что человек до сих пор был еще жив, становилось понятно — к категории легкой добычи он не относится.

На спине человек нес внушительных размеров армейский рюкзак из камуфлированной ткани, с кучей карманов по всей поверхности. К верхнему клапану был приторочен спальный мешок, к нижнему — скатка с маскировочным комбинезоном. На правой стороне рюкзака — еще один чехол, поменьше, и по торчащему из него прикладу, общим габаритам и силуэту можно было с уверенностью сказать, что внутри находится ВСС «Винторез». Кроме винтовки, в арсенале человека имелся «Пернач» в кобуре на правом бедре, два обоюдоострых боевых ножа, для скрытности ношения закрепленных на поясничном отделе разгрузки, саперная лопатка и помповый дробовик в руках — небогатый арсенал для одиночки, путешествующего по радиоактивной, кишашей мутантами местности...

За все время путешествия человек не единожды подвергался атакам мутировавшей флоры и фауны, но только раз ему пришлось спастись на очень кстати подвернувшемся огромном раскидистом дубе. Атаковавший его матерый куропат, повертевшись под деревом с полчаса и, не смотря на свой огромный вес, так и не сумевший стряхнуть человека, понял, наконец, что с этой добычей ему ничего не светит, и отправился восвояси. Для всех остальных, повстречавшихся с путником, день этой встречи стал последним днем их жизни. Можно было бы справиться и с куропатом — но патроны требовали строгой экономии.

Расчетливые, экономичные, точные движения; внимательный взгляд, ощупывающий окружающую местность... со стороны могло показаться, что человек собран и спокоен, однако это было совсем не так — в душе его бушевала гремучая смесь из ненависти и боли...

В один миг исчезло все то, что он любил, все, что составляло хоть какую-то ценность в его жизни, и теперь внутри оставалась лишь пустота. Пустота — и крохотный росток надежды. Надежды на то, что слова, сказанные в воняющей аммиаком тьме канализационного коллектора, окажутся лживыми, и путь его все же будет не напрасен...

Дни шли за днями, и каждый следующий день как две капли воды был похож на предыдущий. Шаг — бег, шаг — бег, шаг — бег... Человек не придерживался дорог. Наоборот, старался спрямлять путь, где только возможно, выходя к окраинам населенных пунктов лишь для того, чтоб найти на карте свое местоположение — и вновь нырял в непролазные буреломы лесов. Он не стремился к людскому жилью. За годы, прошедшие с Начала, люди изменились и изменились далеко не в лучшую сторону. На ядерном кладбище, оставшемся от страны, практически не осталось поселений, готовых принять одинокого путника с распростертыми объятиями. Заряд дроби из-за частотола, а то и трескучая автоматная очередь — это все, на что мог рассчитывать странник, вздумай он попросить пристанища на ночь. Человек не боялся этого, нет. Он был в состоянии ответить на любой удар ударом еще более сокрушительным, но... он спешил. Спешил так, как не спешил, наверное, еще ни разу в жизни.

Сколько времени прошло с тех пор, как он тронулся в путь, — он не знал. Сбился со счета еще в начале, когда, петляя и заматывая следы, отрывался от погони. Знал лишь то, что путь его начался в первой половине лета, а теперь стоит осень, и не за горами то время, когда землю укроет холодное белое пушистое покрывало. Однако его это не беспокоило. На вечерних привалах он разворачивал карту и видел, что движется в правильном направлении, и каждый шаг приближает его к заветной цели.

К Убежищу.

Человек возвращался домой.

Глава 1

У страха глаза велики

Караван двигался второй день.

Данил, реквизировав у Профессора атлас дорог, лежал на верхней полке и, глядя на проплывающий за окном пейзаж, отслеживал перемещение. Занятие это, надо сказать, было довольно нудное — колонна шла медленно, тряско, обходя щедро наваленные на пути препятствия, и Добрынин прилагал все усилия, пытаясь честно следить за окружающей местностью, а не клевать носом в полку.

Вчера вечером стартовали довольно бодро. Тронувшись, по тракту, кое-как укатанному редкими торговыми караванами, за четыре часа оставшиеся до темноты, успели пройти сто двадцать километров и на ночлег встали ввиду огромной электрической подстанции под Пензой. Тут же командиров групп вызвали в «Тигр» получать новые защитные комбинезоны. Приятное известие! Заполучить в личное пользование вместо ОЗК новенький демрон, да еще и двухслойный — мечта любого сталкера! Хасан, выдав указание одному из своих замов раздать костюмы, проворчал, что негоже бойцам одного подразделения быть одетым кто во что горазд.

— Прямо как в гражданскую, право слово... Кто в ботинках, кто в сапогах, а кто и вовсе в лаптях... — насквозь военная душа майора протестовала против такого бардака и требовала полного единообразия.

Кроме костюмов, сталкеры получили индивидуальные цифровые радиостанции, противогазы ПМК-3, особо ценные тем, что имели приспособление для приема воды и лупоглазые стекла повышенной обзорности, а также броники «КОРУНД-ВМ» пятого класса защиты, которыми была экипирована вся бригада. Раздали и боекомплект, по четыреста штук пять-сорок пять на брата. На этом культурная программа вечера закончилась. Выставили караулы — по одному человеку с кунга — и улеглись спать. Данил вооружился карандашом — опять же, отобранным у Семеныча — и сделал первую пометку в атласе, отметив пройденной расстояние цифрой «1». Думал, что пойдут с такой скоростью и дальше, однако ожидания его не оправдались. На следующий день с тракта пришлось сойти — за Пензой он, повторяя извивы проходящей здесь когда-то федеральной трассы М-5 «Урал», уходил на восток, а путь отряда лежал на север.

Дальше двинулись по дороге — вернее, ее остаткам — соединявшим когда-то Пензу и Мордовию. Здесь скорость пришлось резко снизить и ползти черепашьям шагом. Быстрее не получалось при всем желании — колдобины, ямы, лежащие поперек деревья, через которые, ломясь дуром, запросто можно было повредить ходовую даже у тягачей. Да еще локальные пятна, от которых следовало держаться подальше. Наткнувшись на такое пятно, приходилось искать обход, делать крюк порой в несколько километров, а потом опять нащупывая путь, выбираться на дорогу — не переть же напрямую через лес.

Часам к трем валяться на полке надоело, и Данил, в приказном порядке загнав туда Сашку с указанием отмечать пройденные населенные пункты, буде у дороги обнаружится табличка с названием, спустился за стол.

Обитатели кунга валялись по полкам. Бездельничали. Спали. Травили анекдоты. Кубович вообще ушел с самого утра в кабину, на наблюдательный пост. Как объяснил Урюк,

таков был порядок — во время движения колонны рядом с водителем обязательно должен находиться один человек. Для наблюдения, подстраховки — да мало ли еще для чего.

Данил утвердился за столом, подтянул свой баул, вытащил из притороченного сбоку чехла «винторез». Разложил чистую тряпочку, расставил принадлежности для чистки, принялся за разборку. Отжал защелку магазина, отсоединил, отложил в сторону. Открыл затвор, проверяя отсутствие патрона. Чисто. Хоть и знал, что пусто там, — однако ж проверить не мешает...

С верхней торцевой полки с кряхтением сполз Профессор, уселся напротив. Кивнул на винтовку:

— Хорошая вещь. Давненько такую себе хотел, да как-то все не попадается... Где достал?

— Было дело... — туманно ответил Данил.

Семеныч понимающе хмыкнул:

— Понял. Где было — уже нет...

— Вроде того, — вернул усмешку Данил, ковыряясь в винтовке. — Ты мне лучше вот что скажи: какое у нас вооружение? Я ж командир все-таки, обязан знать. У меня вот «Винторез». У Сашки АК-9. Ван — снайпер, СВД у него. У Лехи... — Данил вдруг понял, что даже представления не имеет, каким оружием пользуется Шрек. — Слышь, Лёх, у тебя какой ствол?

— Майор Аббас вчера «Печенег» дал. И три короба по двести, — прогудел Шрек сверху, имея в виду короба с лентой на двести патронов. — Еще КПВ обещал... Как приедем.

Данил кивнул — то-то у Шрека в багаже чехол длинный с вечера появился. И еще радовало то, что Хасан все-таки учел его пожелание. Мобильный КПВ в составе группы — это не просто круто. Это — мощно.

— Во как... У Лехи — «Печенег». И КПВ в перспективе. «Грозу» и «Миними» я видел. Еще что-то есть?

Семеныч оглянулся на дрыхнувшего на нижней полке Урюка.

— У Ахмеда парочка семнадцатых «Глоков» имеется. У Кубовича то же самое.

— А у тебя?

— А мы без выпендрежа, — улыбнулся Профессор. — SIG SG 550^[1] у меня. С подствольником. Пистолетов нет — не признаю я их...

— Это ты сейчас пошутил, да? — улыбнулся Данил. — Если SIG — без выпендрежа, то что же тогда выпендреж в твоём понимании? FN SCAR^[2]?

— FN SCAR — это да... — протянул Семеныч. — Да только дорогой, собака, не купишь. У Хасана именно такой, тоже с подстволом и оптикой. Я разок с него стрелял. Идея хорошая — в одной штурмовой винтовке два калибра объединить. Хочешь — пять-пятьдесят шесть пали, а ствол переставил — вот тебе и семь-шестьдесят два... И как только наши не додумались?..

— И где вы только патроны берете?.. Да и сами натовские стволы — откуда?..

— Места надо знать, — усмехнулся Профессор. — Мы ж везде бываем. И на востоке и на западе... Порой, такое находим — только руками разводишь!.. Несколько лет назад перевалочную базу НАТО в Ульяновске вскрыли — была такая до Удара, имели дурость наши правители врага себе на шею посадить... Эх и много ж оттуда вывезли!.. И оружие и снарягу, и техника там на консервации стояла... И патроны, конечно. У нас на складах их — горы, как в рейд выходим — под горло затариваемся. А если в рейде заканчиваются — такое, правда,

очень редко случается — так его коммерческий аналог, патрон.223 Rem можно и в охотничьих магазинах найти. Тяжеловато, правда — но можно...

— Помнишь, Дан, «Охотник» ломали? — с верхней полки послышался полный иронии голос Сашки.

— Ну...

— Ты тогда, случаем, парочки ящиков пятого натовского калибра не заныкал от меня? Я что-то их там не заметил...

Данил на сей явно риторический вопрос отвечать не стал. В тот выход они и без натовского патрона неплохо прибарахлились. А главное — ОЗК себе раздобыли, хотя и пришлось от стаи сирен отбиваться.

— Так я про крупные магазины-то говорю, — поняв Сашкину шутку, ответил Семеныч. — В «Охотник» ваш смысла не было такой патрон завозить — городишко маленький, кто ж его купит? Разве что под заказ... Вы наверняка и карабинов-то там не нашли. Так?

— Вертикалки двенадцатого калибра, — ответил Данил, окуная тряпочку в масло и приступая к чистке.

— Вот. Ни «Вепря», ни «Сайги»...

— Ладно, подведем итоги. Получается, у нас и бесшумка есть, и штурмовое, и даже пулеметы...

— Главное, чтоб эти пулеметы не снижали мобильности, — проворчал Семеныч. — Слышь, Леха, ты КПВ-то утащишь?

Вместо ответа Шрек свесился с полки, ухватил его левой рукой за шиворот и аккуратно приподнял. Полка под тремя центнерами закрипела, просела дугой, но крепления выдержали, и Семеныч, боясь пошевелиться, повис в воздухе. Вид у него, поджавшего ноги и медленно поворачивающегося вокруг собственной оси, был до того оторопевший и уморительный, что Данил с Сашкой разом грохнули, разбудив Урюка и Ли. Привычный Счетчик, глянув на эту картину, зевнул и перевернулся на другой бок, а Урюк, раскрыв рот, принял вертикальное положение и начал то ли спросонья, то ли от удивления тереть руками глаза.

— Хрена се... Шеф, в тебе сотка-то есть вроде?

— Есть, — просипел куда-то в стену перекрутившийся спиной к столу Профессор. — Слышь, сынок, ты б отпустил меня... Верю я тебе, верю!

Леха аккуратно опустил Семеныча задницей на полку и опять улегся на свое место.

— Зря вы его Шреком погнали, — разворачиваясь лицом к столу и поправляя вставший дыбом комок, пробормотал Проф. — Надо было Халком. Такой же здоровенный...

— Слушай, Леха, а ты не хочешь к нам на базу стонять, как все закончится? — спросил гиганта Урюк. — Ведь рассказывать буду — не поверят!

Шрек что-то буркнул сверху, по смыслу отрицательное.

— Ну и зря, — огорчился Ахмет. — Чемпионство базы по жиму и приседу — твое! А за это неплохой приз полагается.

Леха, начисто лишенный тщеславия, опять что-то недовольно пробурчал.

— У нас сейчас один приз, — Данил отложил в сторону промасленную тряпку и принялся собирать винтовку. — И после этого приза ему твой чемпионат — по боку.

— Точно, — подтвердил Семеныч. — Но чемпионат он выиграл бы однозначно. Я, например, столько даже в уника одной рукой не потяну.

— Что за «уник»? — раздался сверху заинтересованный голос Сашки.

— Универсальный комбинезон.

— Интересно... И что же — можно дополнительный вес тягать? Эк-за какая-то...

Профессор пожал плечами:

— Да, в него и экса встроена.

— У тебя есть экзоскелет? — недоверчиво покосился на Семеныча Данил. — Покажи...

Он читал в детстве про такую штуку в книжках и видел в некоторых фильмах, но считал это фантастикой, не имеющей под собой ничего реального. А тут вдруг ему довольно-таки будничным тоном заявляют, что костюмы эти все же существуют и один такой даже можно увидеть своими глазами! Да этот случай просто нельзя было упустить!

Однако посмотреть экзоскелет в этот раз не получилось. Динамик громкой связи, закрепленный под потолком, внезапно ожил и голосом Хасана проскрипел:

— Колонна — на месте. Локалка. Квадры — на выход. Пятый, шестой — поиск прохода. Первый-четвертый — периметр. Дистанция двести метров. Экипажам один-два — обеспечить охрану. В темпе. Возможен контакт с противником. Экипажам три-пять — готовность номер один.

В следующее мгновение сонную атмосферу кунга словно ветром сдуло. Данил подскочил к своим сумкам, благодаря себя за предусмотрительность — новенький демрон и остальная снаряга лежали сверху, и потребовались секунды, чтобы развернуть баул и начать лихорадочно одеваться. Две минуты — и он готов. Рядом копошился Сашка, застегивая последние липучки на бронике. Профессор с Урюком завязывали шнурки на «берцах», зато Счетчик и Шрек уже стояли в полном боевом, поглядывая на командира. Такими результатами Данил остался доволен — боеготовность была на должном уровне.

— Слышь, Семеныч, а что ж ты свой уник не одеваешь? — спросил Сашка, вытаскивая противогаз.

— Смысла нет на каждый рядовой выход его таскать, — проворчал тот. — Энергозапас-то не вечен.

— Все, хорош болтать, — оборвал их Данил. — Семеныч, после доскажешь. Выходим!

Группа в полном составе рванула наружу. Выходили по трое, стараясь как можно меньше открывать двери и впускать внутрь радиоактивную пыль. Едва спрыгнув на землю, Данил знаками отослал Ли со снайперкой на крышу кунга, Сашку с подоспевшим Кубовичем поставил прикрывать хвост колонны, Урюка и Профессора — следить за флангами, а сам со Шреком рванул в голову. Пробегая мимо второй машины, автоматически отметил, что группа Арийца только выбиралась — и еще раз позволил себе пару мгновений погордиться боеготовностью собственных орлов. Не зря вчера перед Семенычем хвост распушал.

Разведка на пятом и шестом квадрациклах уже уходила в поиск. Взрывывая двигателями, квадры выкатывались из фуры, и, медленно переваливаясь по колдобинам, расходились вправо и влево вдоль границы пятна. Данил подошел к коробочке, пыхтящей на холостом ходу во главе колонны, взобрался на броню, глянул на всякий случай на дозиметр — двенадцать рентген. Терпимо, но ближе подходить не стоит. Огляделся с высоты, поправляя сбившийся во время бега наушник гарнитуры в левом ухе.

Колонна стояла на насыпи, посреди молодого редколесья. Насыпь — все, что осталось от когда-то покрытой асфальтом трассы — в сотне метров по ходу движения плавно изгибалась вправо, и деревца не давали рассмотреть, что же там, за поворотом. Во все остальные стороны местность просматривалась достаточно хорошо, чтобы не беспокоиться

о засаде. И хотя впереди находилось локальное радиационное пятно, все ж-таки этот сектор тоже не стоило упускать из-под контроля. Нехороший он какой-то. Бывает так. Вроде обыкновенный кусок дороги — а не нравится, хоть ты тресни.

С обеих флангов, на некотором расстоянии от бэтэра, стояла разведка на квадрах. От колонны к ним тянулась колея, проделанная прямо по молодому лесочку. Черные фигурки в демронах, привстав в седлах, осматривали окрестности в бинокли.

«...Да, действия на местности у Братства отработаны по высшему разряду, — отметил Данил. — Попробуй-ка такой колонне, которая идет по всем правилам, с разведкой, устрой засаду — живого места не оставят, — он еще раз огляделся по сторонам. — Ага, вон и майор с КШМ^[3] идет. Интересно, зачем он полную боеготовность объявил? Вроде тихо...»

Хасан, запрыгнув на броню, встал рядом. Сунулся в бинокль, осмотрелся по сторонам, особенно долго вглядываясь в поворот впереди. Что-то пробурчал — Данил из-под противогаза не расслышал, но понял, что поворот майору тоже не особо нравится.

— В каком ухе зудит?

Добрынин слегка обалдел, но виду не подал — у каждого свои тараканы.

— В левом...

— Точно. Значит я прав, — отозвался Хасан, вновь прикладывая бинокль к стеклам противогаза. — Паршивый какой-то участочек...

— Тоже поворот не нравится?

— Угу. Что чувствуешь?

— Да так... — Данил хмыкнул. — Шестое чувство не объяснишь...

— Точно. У меня в коробочке, — он пнул ногой башню БТР, — сержантик молодой сидит. Я его полгода из третьей бригады перетягивал, даже процент с добычи обещал. Вот у него чутье будь здоров развито. Локалка впереди есть — но слабая. Не из-за нее стоим, а из-за вот этого шестого чувства. Сержантик мой по дорожке двигаться ни в каком виде не желает, и я ему верю. Что-то он чувствует...

Данил, слишком много повидавший и испытавший, к этим словам отнесся с предельной серьезностью. Да, бывает такое. У Саньки, например, чутье тоже развито и не в пример сильнее, чем у него. Не зря ж он тогда, в первый еще выход на поверхность, от домика на элеваторной площади его тянул. И в здание детсада упирался идти. Как говорил — так и вышло, хлебнули тогда...

— Что делать будем?

— Разведка выдвинулась. Сейчас вернется — решим, — ответил майор и заговорил в микрофон: — Квадры один-четыре, прочесать местность. Дистанция — четыреста метров. Вернуться на исходную.

От квадрациклов послышался рев — разведка стартовала. Ломая тонкие стволы, вездеходы ушли вперед, сделали по лесочку несколько кругов и замерли на исходных. Видимо, доложили что-то по закрытому командирскому каналу, потому как Хасан удовлетворенно кивнул:

— Оставайтесь на месте. Квадры пять-шесть — как успехи? — это уже по открытому.

— Квадр пять. Нашел проход, товарищ майор. Локалка тянется дальше на восток, но в северном направлении есть коридор. Протяженность четыреста метров, проходит сквозным.

— Расстояние от колонны до входа?

— Метров двести...

— Фон есть?

— Десять на входе, внутри около шестидесяти.

Шестьдесят рентген для двухслойного демрона фон плевый, можно и пренебречь.

— Ширина коридора? — продолжал между тем допрашивать бойца Хасан.

— Метров шесть, не больше, товарищ майор.

— Поверхность ровная?

— Пройдем...

— Изгиб трассы с твоего места видно?

Небольшая пауза — боец, видимо, осматривался.

— Так точно, — послышалось наконец. — Место изгиба метрах в двухстах, может, чуть дальше. Там туман, но не плотный, просвечивает.

Данил прямо-таки почувствовал, как напрягся майор. Да и сам он насторожился — туман в жаркий день, когда солнце только-только миновало зенит? К чему бы это...

— Описать можешь?

— Наблюдаю два неплотных туманных облака на некотором расстоянии друг от друга, — тут же отозвался пятый квадр. — В остальном — чисто, движения нет.

— Квадр шесть, что у тебя?

В наушнике зашипело — видимо, шестой отдалился уже на значительное расстояние, и канал начало забивать помехами. Потом донеслось:

— Без изменений. Двигаюсь на запад вдоль пятна. Расстояние от колонны — тысяча четыреста. Фон — сто...

Хасан помедлил несколько мгновений, видимо, что-то решил и скомандовал:

— Квадр шесть — возвращайся. Квадр пять — на месте. Квадры три-четыре — следуйте к пятому. Осмотреть местность на выходе из коридора. Квадры раз-два — замыкают колонну. Всем — внимание. Экипаж кунгов три, четыре, пять — на крышу, особое внимание на туман. Экипажи один, два — рассредоточиться по периметру. Выдвигаемся к коридору. КШМ — к коробочке.

С хвоста колонны раздался рев — «Тигр», ломая деревца мощной пластиной бампера, пошел по правому флангу колонны, в обход. Данил спрыгнул на землю, вслед за ним сполз Хасан.

— Обходим? — внизу, рядом со Шреком, стоял Ариец.

— Да.

— Ну — добро...

— Не нравится мне этот туман... — майор побарабанил по рукояти своего ствола и Данил только сейчас заметил, что в руках у него и впрямь FN SCAR. — Опять же, сержантик мой упирается... Ну да ладно. Все, господа, выдвигаемся. Пойдем медленно, пешей скоростью. Ваши сектора — двенадцать-три-шесть^[4].

Хасан запрыгнул на порожек подошедшего «Тигра» и подал знак водителю — трогай. По лесочку уже шло движение — квадры перегруппировывались, БТР, сдав немного назад, съехал с насыпи и, оставляя за собой коридор в молодняке, двинулся потихоньку за командирской машиной.

— Внимание отделение! — Данил щелкнул кнопкой переключения каналов, переходя на внутреннюю волну группы. — Построение прежнее. Движемся с колонной, держим периметр. Счетчик — на месте, сектор двенадцать-три-шесть, общий обзор. Я, Шрек — сектор двенадцать-два. Попович, Кубович — сектор четыре-шесть. Урюк — к Профессору, на правый фланг. Сектор два-четыре.

— Сектор девять оголеть? — уточнил Ахмет.

— Да. Ты нужнее справа.

— Понял.

Двинулись. Бэтэр пер по леску без помех, подминая деревца словно сухой тростник. Данил, Шрек и присоединившийся к ним Ариец шли справа. Леха держал наперевес «Печенег», Илюха — свой сто пятый «калаш» со спаренными желтой изолентой магазинами. Данил раз оглянулся — где-то в районе четвертого кунга, в середине колонны, двигались, озираясь, четыре черные фигуры — Профессор, Урюк и два бойца из группы Арийца. В самом хвосте виднелось еще четверо.

Двести метров до входа в коридор протопали за несколько минут. Здесь, у самой его горловины, уже стоял «Тигр». На крыше, во вращающемся люке за пулеметом, сидел боец.

— Коробочка — вперед, — прозвучал на общем канале голос майора. — КШМ прикрывает, замыкает колонну. В случае опасности — действовать по обстановке. Квадры — встречайте. Внимание по всем направлениям. Работаем.

БТР взревел, выбросив из выхлопных труб два черных облака, двинулся вперед, за ним в коридор потянулась колонна. Данил, двигаясь практически вплотную к борту коробочки, глянул на дозиметр — шестьдесят. Не соврала разведка.

Неизвестно, как там с левого фланга, — обзор в ту сторону закрывал БТР, но местность на правом пока оставалась пустынной. Двигались осторожно, стараясь не свернуть ноги на валящихся в разные стороны из-под мощных колес бэтэра скользких древесных стволах. Ариец пару раз споткнулся, чертыхнувшись. Спасибо Шрек поддержал. Сам Леха шагал по деревцам, как по асфальту, под его весом они прогибались и трескались, словно тонкие соломенные прутки.

Данил не уловил момент, когда появился и начал заполнять окружающее пространство странный гул... Он возник как-то незаметно, исподтишка и постепенно разрастался до тех пор, пока не стал слышен слишком уж явно. Низкий, тяжелый, вибрирующий... Добрынин сморщился, словно от горечи, почувствовав, как мелко задрожала земля, заныли зубы и под языком забил фонтан горчащей слюны. Бойцы вокруг завертели головами, пытаясь понять, откуда ждать сюрпризов, — гул шел со стороны тумана и каждое мгновение становился все громче и громче...

— Колонна — на месте! — рявкнул Хасан. — Сектор девять! Внимание всем! Не стрелять без команды!

Всем — значит, всем. Данил, подпрыгнув, ухватился за скобу под выхлопной трубой бэтэра, и, упав на броню, припал глазом к окуляру оптики. Нащупал угольником прицельной сетки висящий над насыпью туман — дымка виднелась отчетливо, призрачное облако слегка клубилось, сквозь сизоватую текучую муть чуть проступали очертания насыпи. Второе облако находилось неподалеку, метрах в сорока, и, приглядевшись, Данил заметил, что по насыпи между ними тянется темного цвета полоса — рельсы. Все это произошло в одно мгновение, а в следующее гул скачком усилился и из левого облака тумана вывалился... поезд.

Странное это было ощущение — смотреть на поезд-призрак. Состав, колеблясь бледной дымкой вагонов, медленно проплывал, появляясь из одного облака и исчезая в другом. В оптику ВСС Данил видел в окнах пассажирских вагонов людей. Они читали газеты, разговаривали, пили чай из стаканов с алюминиевыми подстаканниками, смотрели наружу, за окно — но караван был для них невидим... Они находились сейчас в другом месте, жили в

другом измерении — да и жили ли? Мелькнули белые занавески, жидкие букетики цветов на столах, бутылки пива, минеральной воды... И вдруг его внимание привлекло небритое, серое, осунувшееся лицо мужика, стоящего за окном. Он, раззявив рот, смотрел на колонну — и видел! Поднял руку, желая, видимо, помахать — но вагон уже нырнул обратно в туман. Проплыл мимо следующий с окнами, задернутыми шторами, и крупной надписью под крышей — «РЕСТОРАН». Потянулись плацкарты, стали видны фигуры людей, перемещающиеся в проходе... На вагонах — чуть пониже окон, на белой табличке — он вдруг прочитал конечные пункты следования состава: «Москва-Челябинск».

Это был какой-то... сюрреализм. Сон, кошмар, что-то необъяснимое. Данил чувствовал, как помимо его воли растягивается от ужаса лицо и куда-то далеко вниз отваливается мелко дрожащая челюсть. Картина проплывающего поезда была мирной, но настолько жуткой, небывалой и неестественной, что его вдруг начало мелко трясти и накатило мерзкий какой-то, могильный, пробирающий до костей озноб. Он рывком оторвался от прицела, машинально пытаясь протереть глаза — но рука наткнулась лишь на стекла противогаза. Снова глянул на насыпь — в тумане мелькнул последний вагон, и гул начал постепенно стихать.

Тишина. С полминуты Данил, словно в каком-то трансе, продолжал пялиться в туман. Тишина в эфире стояла такая, что казалось, будто колонна попала в вакуум. Внезапно он почувствовал, как режет высохшую роговицу глаз — все это время, пока поезд шел мимо, он просто-напросто забыл моргать... Моргнул, сглотнул, поперхнулся — горло пересохло полностью. Закашлялся. Тут же в наушнике послышались такие же перхающие звуки — бойцы постепенно приходили в себя.

Первым, как и положено командиру, опомнился Хасан.

— Колонна, внимание! — раздался на общем канале его хриплый голос. — Возобновить движение. Стоп на выходе из коридора. По сторонам смотреть!

БТР взревел и двинулся вперед, но Добрынин как лежал на броне, так там и остался. Чувствовал, что, спрыгнув, — упадет. Ноги дрожали, мускулы судорожно дергало. Оглядевшись по сторонам, увидел, что его отделение, всё, как один, ковыляет на подламывающихся ногах обочью дороги, наплевав на команду держать заданный сектор. Только Шрек, шагающий неподалеку, двигался по-прежнему твердо — то ли не видел, то ли не понял, что видел...

Данил соскользнул с коробочки, споткнулся — ноги и впрямь подогнулись — но быстро восстановил равновесие.

— Внимание, первое отделение! — голос сипло пустил петуха. — Подтянуться! Урюк, ты чего там ковыряешься? В носу что ли?! Внимание по сторонам, не расслабляемся! Движемся, не отстаем!

Бойцы, услышав звук командирского голоса, встрепенулись, пошли бодрее, зашарили стволами по сторонам. Вокруг опять стояла тишина, лишь ветерок покачивал тонкие стволы деревца, и казалось, что не было этого жуткого поезда или он, по крайней мере, примерещился, как кошмар в полуночном бреду.

Спустя несколько минут дозиметр защелкал реже — уровень излучения снижался — и по этому признаку стало понятно, что колонна, наконец, вышла из коридора. Хасан, дождавшись, пока последний кунг окажется за его пределами, скомандовал остановку:

— Колонна — на месте. Экипаж третьего и четвертого кунгов — по машинам. Кунги один и два — периметр. Пятый кунг — прикрыть КШМ.

Его «Тигр», все еще стоящий у входа в коридор, газанул и, переваливаясь по колдобинам,

двинулся сквозь локалку. С крыш третьего и четвертого кунга посыпались бойцы. На крыше пятого задвигались, рассредоточились, беря под наблюдение местность вокруг двигающейся КШМ.

Данил, дав команду своему отделению рассредоточиться по периметру, вновь влез на броню и достал бинокль. Но сколько он ни всматривался в аномальный туман — ничего подозрительного и странного не обнаружил. Туман как туман. Разве вот только что на месте стоит, хотя устойчивый ветерок с востока дует. Заскребло по металлу — рядом встал Хасан. Знаком попросил бинокль, застыл, прикинув к окулярам.

— Ну и что это, мать его, было? В первый раз с такой хренью встречаюсь...

Данил, который мог похвастаться тем же, промолчал. Он все пытался понять, что же это было и как такое в принципе возможно. Сразу же вспомнилось аномальное озеро на кладбище, городская тюрьма, детский сад... прочая чертовщина, что встречалась порой на поверхности... Перед глазами все стоял мужик из поезда, машущий каравану рукой. Он, этот мужик, без сомнения видел их колонну, в то время как никто другой больше не отреагировал, даже не повернул головы! Но — как, каким образом?! Поезд — в этом у Добрынина не было никаких сомнений, судя по пунктам назначения на белой табличке — был российский. Но на фонащих излучением просторах страны давным-давно уже не курсировало ни единого состава. Так что это — призрак из прошлого? Почему же тогда тот человек увидел их? Как могло прошлое соединиться с настоящим? Как мог он, ставший историей, увидеть караван, находящийся в «здесь и сейчас»? Все это оставалось загадкой. Необъяснимой, таинственной и жутковатой загадкой...

Майор, оглядев в последний раз аномалию, вернул бинокль.

— Хватит здесь торчать. И без того полчаса потеряли. По ма... — он замер на полуслове — со стороны тумана, набирая постепенно силу, вновь раздался знакомый уже гул.

Мгновение — и между туманными облачками вновь, теперь уже с большей скоростью, полетел еще один состав. Мимо мелькнул тепловоз, цистерна, мощные, окрашенные зеленой пятнистой краской, теплушки, платформы с двумя танками и одной БМПТ, бронев вагоны с орудийными башнями наверху... И — Данил успел заметить — все это было донельзя покореженным, изрытым оспинами, вмятинами и многочисленными дырами с рваными краями. Бронепоезд мелькнул — и исчез, и почти сразу пропал и сопровождавший его грохот. Данил посмотрел на майора — тот стоял на месте, как столб, глядя в одну точку и сквозь стекла противогаза виднелись его покрасневшие бешеные глаза.

— Чё это, нахрен, с моим поездом?! — взревел вдруг он. — Мать вашу, да на нем живого места нет! Его целым танковым корпусом, что ли, в упор долбили?!

Данил молчал, молчали и остальные, подавленные промелькнувшей перед ними картиной. Если бронепоезд изуродован, взятие комбината станет непосильной задачей. Без огневой поддержки его орудий и минометов — гиблое дело.

— Да где ж их так угораздило?! — продолжал бесноваться майор. — Я этому Паровозу яйца оторву! Суток, как вышли, не прошло — уже ухайдокал боевую единицу, сука! Ублюдок! Пор-р-рву!

Взрыв был мощным, но непродолжительным — Хасан умолк, тяжело дыша и вращая выпученными глазами.

— Товарищ майор, а может, все обман?.. — осторожно высказал предположение один из бойцов, голос которого Данил не узнал. — Мало ли, какие картинки эта хрень покажет? Мы же не знаем, что это...

Хасан молчал, переваривая.

— А связь с ним есть? — внезапно послышался голос Арийца.

— Будет через двое суток, — тут же отозвался один из связистов.

— Как свяжетесь — немедленно доклад! — отрывисто бросил майор.

Данил, несмотря на все странности, творившиеся вокруг, озадачился. Каким это, интересно, образом? Бронепоезд черт знает где сейчас путешествует! Чиркнув себе в закромах памяти галочку о необходимости провентилировать этот вопрос через Профессора, он спрыгнул с брони на землю. Следом, чуть помедлив, спустился и Хасан. Двинулся к «Тигру», шипя что-то сквозь зубы и матерясь вполголоса.

— Экипажи — по машинам! Квадры пять-шесть — в стойло. Остальным — порядок движения прежний! Уматываем отсюда, хватит развлекаться!

Однако распоряжениям этим исполниться было не суждено — развлечения еще только начинались.

Очередь ударила неожиданно — Данил, стоящий правым боком к коробочке, чуть было «винторез» из рук не упустил. Но среагировал сразу же — упал на колени, разворачиваясь в падении на звук выстрела, бросил винтовку к плечу... БТР, отработав из КПВТ^[5] короткой очередью, стартовал вперед, открывая обзор на пятна тумана над насыпью. Сизоватая мгла уже не была такой же пустой, как минуту назад — из ее мутных глубин, цепь за цепью, выдвигались серые приземистые существа. Оптика, послушно скушав двести с небольшим метров, приблизила их, и Данил, уже уставший удивляться исходящему из тумана безумию, распознал в них... пауков. Очередной кошмар?

— Контакт! — заорал кто-то.

С крыши пятого кунга послышалась беспорядочная стрельба. Справа, от коробочки, ударила еще одна очередь. БТР работал грамотно — не стоял на месте, стрелял и двигался одновременно. Данил мельком удивился, зачем такие выкрутасы — не проще ли встать и расстрелять нечисть, не сбивая прицела движением? Но в следующее мгновение понял, что это и впрямь было бы не лучшим выходом: один из пауков в передней цепи чуть повернулся, мелко семеня мохнатыми лапами, и плюнул какой-то белой дрянью, целя в БТР. Сгусток прошел над корпусом, задев его лишь краем, но метал в том месте, куда попала слюна, вдруг задымился, пузырясь, потек, исходя белым парком... БТР тут же притормозил и ответил длинной пулеметной очередью. Половину первой цепи скосило мгновенно. Крупный калибр бил наповал, дробил серые паучьи панцири, раскалывал головы, отрывал конечности. В прицел Добрынин видел летящие во все стороны брызги черной крови, ошметки внутренностей, бьющиеся в агонии тела... Пауки, до сих пор безмолвно и довольно быстро двигавшиеся вперед, притормозили, залегли и ударили в ответ. Комья слюны размером с кулак, влипая в препятствия, очень быстро прожигали порядочные дыры, и Данил вдруг сообразил, что одно такое попадание в бензобак грузовика — и случится непоправимое...

— Отделениям — отойти от машин! — вскакивая, заорал он.

— Бригада — от кунгов! — одновременно с ним послышалась команда Хасана. Техника, выделяя сигнал с командирской радиостанции, послушно приглушила разноголосицу воплей на общем канале, потому эффект получился такой, будто майор, стоя в полуметре, гаркнул прямо в ухо. — Рассредоточиться! Залечь!

Выучка у бойцов Братства была что надо — команда только прозвучала, а большинство, отстреливаясь, уже пятились прочь от вытянувшегося цепочкой каравана, оставляя его между собой и наступающими чудовищами. Сам Добрынин, вскочив, шустренько дернул метров на

сорок от головной машины вправо, упал, скорчился за кочкой, выхватил из подсумка бинокль и принялся оглядывать поле боя. Съезжившиеся тела пауков из первой цепи уже лежали без движения в самых разнообразных позах. Панцири большинства из них покрывали кляксы черной крови, толчками вытекающей из пулевых отверстий в хитине и под некоторыми уже набежали порядочные лужи. Пауки второй, распластавшись и подобрав под себя лапы, залегли метрах в десяти позади. Некоторые не шевелились, но остальные еще били слюной, хотя и без особого успеха — большинство плевков просто не долетало до бойцов, разбиваясь о борта и кабины грузовиков и плава в них порядочные дыры. Третья цепь уже выдвигалась из тумана и за их спинами сквозь призрачную дымку проявлялись постепенно еще, по крайней мере, две. И — пара каких-то огромных, тяжело ворочающихся силуэтов, смутно виднеющихся во взвихренном движением туманной мгле по флангам. Данил глянул в оптику — и обомлел. Это тоже были пауки — но какие же это были гиганты! Четыре роста человека в высоту, не меньше, у каждого спереди на морде — длинный тонкий хоботок, прямо под цепочкой черных глаз-бусинок, а на горбящейся спине — узор из белых пятен, образующий крест. Крестовики!

Добрынин чертыхнулся.

— Внимание, бойцы! — срывая связки, заорал он в микрофон. — Гиганты по флангам — крестовики! Берегитесь слюны!

Оглянулся, проверяя, услышал ли его хоть кто-нибудь в том диком шуме и какофонии, творящемся на общем канале, — и наткнулся на взгляд Арийца. Глаза Илюхи за стеклами противогаза были полны недоумения...

Сзади взревело. Данил обернулся на мгновение — мимо, нещадно ломая молодую поросль, пролетел КШМ. Стрелок на крыше, сгорбившись за пулеметом, строчил короткими очередями, дергая стволом на ухабах. Данил буквально вжался в землю — не хватало еще от своих схлопотать. За стеклом мелькнул перекошенный профиль вцепившегося в руль водителя и, следом, в окошке заднего пассажирского сиденья — каменное лицо Хасана. Над головой, со стороны насыпи, прощуршал белый комок — и стрелок обмяк. Пулемет повело в сторону, очередь ударила в землю буквально в метре от успевшего поджать ноги Добрынина и ушла в небо. Пулемет так и остался торчать стволом вверх — тело мертвого стрелка моталось в гнезде, голова билась шлемом о крышу, вразлет летели руки...

Справа зашуршало, лязгнуло — за соседней кочкой примостился Леха. Звякнул сошками по камню, устанавливая пулемет, прижался щекой к прикладу, клацнул предохранителем. Данил, заметив это боковым зрением, хотел было крикнуть, что отдачей может раздолбить всю челюсть — но вовремя опомнился: Леха своими лапищами так сжимал пулемет, что отдачи мог совершенно не опасаться. Он, деловито облапив «Печенег», прицелился и дал первую очередь, и Данил, внезапно вспомнив, что у него в руках тоже имеется оружие, вновь сосредоточился на поле боя. Прицелился, нашаривая угольником ёлочки лежащего паука — тот поразительно был похож на небольшой, литров на двадцать, серый бочонок, поджавший под себя тонкие волосатые лапки. ПСО давал достаточное увеличение, чтобы рассмотреть его морду — совершенно без эмоций, безразличную, с двумя рядами глаз, расположенных один над другим и мохнатыми хлицерами, торчащими вниз, придающими морде паука сходство с лицом старичка с шикарной окладистой бородой. «Винторез» мягко толкнулся в плечо, и «старичок» с дырой между глаз ткнулся в землю. Один есть. Добрынин тут же перевел угольник прицела на соседа — тот, слегка развернувшись, бил куда-то в хвост каравана. Пуля попала пониже крайнего левого глаза, вырвав с корнем нижнюю часть морды

вместе с хелицерами. Тело дернулось, силой удара его развернуло вокруг себя, и паук замер, непочтительно демонстрируя убийце заднюю часть тела. Вот и второй. Третий, лишившись поддержки товарищей, судорожно дергаясь, принялся отползать назад, но короткая очередь «Печенег», ударившая в левый бок, швырнула его на спину, и он застыл кверху лапами, плотно прижав их к брюху. Третий готов — в оптику Данилу отчетливо был виден его стекленеющий правый глаз.

С новым стволом стрелять из ВСС было сплошным удовольствием. Винтовка стала точнее, пуля прибавила в дальности, настильности и устойчивости в полете, практически исчезла отдача — ствол лишь смещался на доли градуса после каждого выстрела. Благодаря этому увеличилась и скорость поражения — теперь не нужно было возвращать ствол назад, нащупывать следующую цель, Данил просто переводил его с фигуры на фигуру, насаживал очередную паучью морду на угольник и плавно выжимал спуск. Да и, честно сказать, расстояние сказывалось. Чуть больше двухсот метров — по классификации армейского снайпера расстояние близкое^[6]. А потому — нет необходимости рассчитывать упреждение, поправку на ветер, можно забыть о так и не давших снайперских баллистических таблицах... И что самое главное — новый ствол, увеличив дальность прямого выстрела, позволял на этом расстоянии забыть и о гравитации. Он и забыл, уйдя целиком в круговорот боя. Стрелял как в тире, укладывая каждой пулей по одному переростку. Выстрел — труп, выстрел — труп, выстрел — труп. Силуэты в прицеле давно уже перестали быть для него живыми существами — это была цель, которую необходимо было уничтожить. Или ты — или тебя, третьего не дано.

Третья цепь прожила всего с полминуты. Половину скосил БТР, продолжающий выписывать кренделя по местности, остальных свалили бойцы бригады. Данил, только что сменивший первый магазин, был твердо уверен, что, по крайней мере, семеро из этой цепи — его. Пауки, сосредоточившие свои удары на целях спереди, так и не заметили, что с правого фланга колонны их косит бесшумная, невидимая смерть.

Из тумана показалась четвертая и, сразу же, — пятая цепь. Переростки тут же залегли, начали расползаться в стороны; темными глыбами выдвинулись крестовики... Хоботки их изогнулись, тычась в пасти, и, выпрямившись практически синхронно, словно катапульты, плюнули огромными белыми комьями слюны. Они ударили куда-то в середину колонны, и один из кунгов вдруг оглушительно рванул, разбрасывая во все стороны горящие ошметки обшивки.

— Коробочка, твою мать! Куда смотришь, сука?! С флангов обходят, огонь по броне! — раздался вопль Хасана. — Мне чё, цели тебе подсвечивать, сам не видишь ни хрена?!

Отметив машинально это странное «по броне», Данил, тем не менее, не придал этим словам особого значения — не до того было в горячке боя. Один магазин он уже опустошил, расстреливал второй, и любые команды со стороны сейчас игнорировались, воспринимаясь словно досадная помеха, не имеющая никакого отношения к бою. Однако бойцы Братства, похоже, были вымуштрованы на славу — стрелок в бэтэре опомнился, перестал выбивать мелкие цели и, подчиняясь команде, перекинул огонь на здоровенные туши крестовиков. Автоматическая пушка коротко рывкнула — и чудовище на левом фланге покачнулось, медленно проседая на ослабших внезапно лапах. Закоптила, разгораясь, шерсть на его спине — стрелок, похоже, ударил фугасно-зажигательным и бронебойными попеременно — и из-под брюха на землю посыпались серые шестилапые силуэты.

— А, дьявол! Десант! Прижимай к земле! К земле прижимай, не дай расползтись! —

продолжал орать майор.

Крестовик на правом фланге развернулся носом к БТР, снижая площадь поражения, и плюнул. Попал бэтэру в лоб, и хотя металл тут же задымился, слюна, похоже, не могла быстро растворить гомогенную броню. Ответная очередь 2А72 с легкостью прошла крестовика насквозь, а вторая превратила висящих под его брюхом пауков в фарш. Стрелок перевел огонь на головугрудь — и та буквально взорвалась брызгами летящей во все стороны крови и кусками плоти. Лапы крестовика подогнулись, и он грузно осел на копошащихся под ним соплеменников.

Справа, с той стороны, куда ушел «Тигр», вдруг послышался хлопок, шипение, и Данил, мгновенно опознав по звуку «Шмель», инстинктивно втянул голову в плечи, вжимаясь в землю. Оглянулся, ища глазами КШМ, и увидел стоящего рядом с машиной Хасана. В руках он держал толстую трубу огнемета, а рядом с ним, на земле, лежала еще одна, только что использованная.

Термобарический заряд ударил в самый центр четвертой цепи, и посреди поля вспух огненно-рыжий цветок объемного взрыва. Удар был страшен. Данил даже отсюда расслышал отчаянный паучий визг, взлетевший над полем. Поднял голову, вглядываясь сквозь бешено вихрящуюся пелену дыма, пыли и падающий с неба песок — и разглядел пауков, катающихся в агонии по земле. Кому-то силой удара оторвало лапу, кому-то — рассекло морду или помяло головугрудь, некоторые тела вообще были искорежены до неузнаваемости. Майор, довершая разгром, выстрелил еще раз — и получил второй взрыв, раскидавший левый фланг и превративший в живые факелы оставшихся пауков. Откуда-то с конца колонны послышалась пара коротких очередей — и над молодым леском разлилась оглушающая после грохота боя тишина.

С минуту Данил лежал, все так же распластавшись по земле, настороженно оглядывая театр военных действий. Польшал разгорающийся крестовик, в разных позах валялись по всему полю тела убитых пауков, но опасности больше не наблюдалось. А потом — он лишь на мгновение отвлекся, оглядываясь по сторонам и пытаясь выяснить потери — произошла очередная за этот день непонятка... Картинка перед глазами вдруг задрожала, как бывает в полдень, когда от земли поднимается горячий воздух, сместилась, поплыла, наложилась на другую... Сквозь окружающий пейзаж на мгновение проступила иная реальность — поле, сплошь усеянное изломанными человеческими телами, воронки от взрывов, искореженная военная техника, поодаль — деревенька с избами под соломенными крышами... На общем канале раздались недоуменные, полные изумления крики. Данил вскочил, всматриваясь, пытаясь понять, что же все-таки происходит — и картинка сразу же растаяла. А вместе с ней пропали и почти все следы недавнего столкновения. Ни паучьих тел, ни подбитых крестовиков — ничего. Только скошенные очередями деревца, воронки от взрывов да перепаханный пулями склон насыпи с истончающимися, редющими постепенно клочьями тумана над ним. Он глянул в середину колонны — пятый кунг стоял в строю, целехонький, будто только с конвейера, да и на БТР не было видно ни единого следа попадания, словно столкновение с противником было всего лишь кошмарным сном. А вот с людьми все обстояло иначе.

Пострадали двое — Антоха Птиц, стрелок с КШМ, и Илья Ариец. Их положили рядом, и разница, на первый взгляд, была не видна — тела лежали без движения, безвольно, будто большие куклы, оставшиеся без кукловода, и только по открытым глазам Арийца, в которых застыл немой вопль и отчаяние, было ясно, что он еще жив.

Смерть Птица была сплошной загадкой — повреждений ни на одежде, ни на теле бойца не нашли, обнаружили лишь несколько синяков, цепочкой проходивших поперек груди. Один из двух медиков бригады, пожилой мужичок абсолютно интеллигентного вида, с бакенбардами и бородкой клинышком, откликающийся на Бинт Бинтыча, осмотрев его тело, только руками развел.

— Повреждений, несовместимых с жизнью, на теле нет, — протирая очки выуженным из кармана грязно-серым носовым платком, сказал он. — Кроме этих вот синяков — вообще никаких следов! Не понимаю...

— А с Илюхой что? — спросил Бармаглот. — Живой — а лежит, как колода!

Бинтыч пожал плечами:

— Паралич, похоже. Но почему, отчего — я тоже понять не в состоянии... Правда, на шее, пониже уха, приличного размера красное пятно имеется — вот оно, видите — но, опять же, непонятна причина его возникновения. Возможно, случайность... Какой-нибудь гад ядовитый во время боя куснул.

— Шутим? — Данил, нахмурившись, поглядел на медика. — Кажись, все предельно ясно. Яд паучий на кожу попал — и все! Я ж кричал по общему каналу — крестовики! А у них слюна ядовита!

Бинтыч удивленно воззрился на него, аж платком по очкам забыл возить:

— Позвольте, но... О каком пауке речь?

Данил постучал пальцем по виску и оглядел сгрудившихся вокруг бойцов, ища поддержки — и только тут заметил, что все остальные так же озадаченно смотрят на него.

— А мы с кем воевали сейчас, позвольте поинтересоваться? — разозлился он. — Завязывайте уже шутки шутить, не до того! Я собственными глазами толпу пауков видел и завалил полтора десятка! Чё вы мне тут...

— Вы меня за дурачка держите? — обиделся в свою очередь медик. — Понятно с кем — с выродками! У меня вон и след на ноге от камня остался...

— Ты что несешь, Бинтыч?! Какие выродки? — вклинился стоящий тут же Хасан. — Северяне это были, комбинатовские! Как тут оказались — я вообще не пойму!

В воздухе на секунду повисла пауза — каждый пытался осмыслить сказанное... и тут прорвало. Бойцы разом заорали, пытаясь перекрыть друг друга и выдать свою версию развития событий. Спустя несколько минут, когда Хасану, наконец-то, удалось навести порядок, Добрынину уже стало ясно, что каждый из них дрался со своим противником. Кто-то, как медик, бился с выродками, кто-то — со стаями огромных псов, кто-то вообще схлестнулся с фашистами времен Второй мировой, а один из бойцов — пожилой мужик, годов за пятьдесят — признался, что видел огромных плюшевых медведей, шагающих на задних лапах, и оттого едва не обделался.

— И чё это было? Массовый гипноз?

— Психотропное оружие?

— Что за морок?!..

— Газ?..

Открытие заинтересовало, и бойцы, вероятно, еще долго гадали бы о причинах произошедшего, если б не Профессор. Он, протиснувшись сквозь толпу, выбрался в середину круга, образовавшегося вокруг тел Арийца и Птица, и поднял руку, прося слова. Гам и споры постепенно начали утихать.

— Можете не спорить и не драть глотки почем зря. Я слышал об этом явлении или, если

хотите, — аномалии, но не верил. А зря, оказывается. Лет шесть назад, когда мы сопровождали караван на юг, подобную историю рассказывал один из караванщиков. Нарвались они вот так же, как и мы, на туман, и оттуда вдруг нечисть полезла. И каждому туман показал свое, то, чего человек боялся больше всего на свете или больше всего на свете ненавидел. Причем не страхи, лежащие на поверхности, а то, что человек боится с самого детства, то, что давным-давно забыто, но осталось в самых глубинах памяти. Вот ты, Васильич, почему плюшевых медведей увидал? Эпизода из биографии не припомнишь?

Пожилой боец вздохнул, почесал макушку.

— Да чего там вспоминать — было... в детстве еще. Я ж сирота, в детдоме рос — родители из-за такого вот медведя погибли, по глупости моей. Был у меня тогда выжигатель — старики эту хреновину помнят, для детских поделок, узоры на деревяшках выжигать, рисунки разные... А я малой тогда был, годов пять едва — как не попробовать, что он еще может, этот выжигатель? Будь он не ладен... Ну и попробовал как-то — ткнул в самое нутро такого вот медведя. Потыкал, потыкал и забыл — огня-то нету. А он, видать, в самом нутре-то затлел... Ушел я вечером к бабке ночевать, а медведя на столе оставил, посреди своих рисунков. Он, видать, ночью-то бумагу и поджег. Дом сторел напрочь, весь, до фундамента — а вместе с ним и батяка с мамкой. Всю жизнь потом я эту игрушку видеть не мог, аж оторопь брала, до судорог...

Профессор кивнул:

— А теперь покопайтесь в себе и сами ответьте на вопрос, почему вы воевали именно с тем, с кем воевали... Тут уж у каждого свои заморочки.

— То-то я команду твою не понял... — встретившись взглядом с Хасаном, сказал Данил. — Когда ты по броне велел стрелять. Какая уж там броня у пауков...

— Ты сам-то почему пауков боишься? — спросил тот. — Тоже детские страхи?

— Не пауков я боялся... — хмуро ответил Данил. — Паука.

Майор кивнул, будто действительно понял, о чем речь.

— Это чё ж за хрень получается? — послышалось из толпы. — Антоха от страха умер?

Семеныч пожал плечами:

— Так и получается. Под гипнозом человек может поверить во все что угодно. Вы ведь были уверены, что все по-настоящему? Вот мозг и воспроизвел все до мельчайших деталей. У Васильича след от камня на ноге, у Антохи — очередь через грудь... А у Арийца — кто ж его знает, что ему привиделось? Сам-то он теперь не расскажет...

Хасан кивнул:

— Каждому — свое... Все, ребята, хватит болтать! — он поднял руку, обращая внимание на себя. — Расходимся по машинам, скоро трогаем-с я. Третье отделение — охрана периметра, второе — Птица хоронить, личный жетон мне! — он поглядел на Данил и кивнул на Арийца. — А уж как с ним поступить — вам решать.

Четверо бойцов с лопатами в руках, подхватив на руки тело Птица, потащили его в сторону. Люди потянулись к своим кунгам, и спустя минуту над телом Арийца остались стоять лишь сталкеры Убежища. Молчали. Да и что говорить в такой ситуации?

— Горыныч? — спустя минуту нарушил молчание Сашка.

— Он, наверняка, — кивнул Бармаглот с жалостью глядя на старшего. — Илюха этого мутанта боялся больше всего на свете. С тех самых пор, когда в ЦРБ ходили, помните? Горыныч тогда еще Серегу в нору затащил и его чуть было не сцапал. К тому же плюнул струей своей вдогон — да промахнулся. А яд у него — сами знаете...

— Паралич центральной нервной системы, — кивнул Дума. — Необратимый... И противоядия нет.

Да, это было так. Горыныч мог поражать цели на расстоянии — плевался струей яда метров на пятьдесят. При попадании на кожу яд мгновенно всасывался и попадал в кровоток. Онемение начиналось с того места, куда попал яд, и распространялось очень быстро. Полминуты — и полный паралич. Тело деревенело так, что и не пошевелиться. И самое печальное — противоядия не существовало, по крайней мере, оно было не известно ни обитателям Убежища, ни войсковым, и даже проходящие мимо караваны не могли похвастаться его наличием. Удар горыныча — пожалуй, это была самая страшная опасность из всех, подстерегавших сталкера на поверхности. Ибо какая участь могла быть страшнее?

— Он всегда беспомощности боялся. Говорил — лучше подохнуть, чем колодой всю оставшуюся жизнь лежать. Так прямо и предупреждал: случись чего подобное — не вздумайте меня домой тащить. Сразу, на месте... — Славка Локатор скривился, как от зубной боли. — Не зря ведь говорят: чего боишься — того не миновать...

Данил склонился над лежащим в ступоре сталкером и, сквозь стекла противогаза заглядывая ему в глаза, пытаюсь угадать реакцию, легонько потряс за плечи:

— Слышь, Илья! Иллюзия это, аномалия! Ни горыныча не было, ни яда!

Он понимал, что шансы малы, — но не попытаться все-таки не мог.

— Поднимайся, Ариец! Твою мать, вставай! Не было ничего, гипноз это! Морок!

Бесполезно. Сталкер все так же без движения лежал на спине, глядя в одну точку.

— Что ж Родионычу теперь скажем?.. — спросил Сашка.

— Родионыч — военный человек, полковник. Сам все прекрасно понимает... — буркнул Данил.

— Ариец, черт тебя дери... — Счетчик со вздохом опустился рядом, заглядывая Илюхе в глаза. — Как же так?!

— Хватит скулить! — пытаюсь злостью прогнать охватившую его вдруг щемящую тоску и апатию, огрызнулся Данил. Поднялся. — Как полковник говорил, помните? «Как показывает практика, самый верный выход в такой ситуации — добить раненого. Это бывает гораздо милосерднее, чем бросить его на издевательства и пытки, которым может подвергнуть его противник...» — на память процитировал он. — А я-то, дурак, не верил тогда...

— Это пострашнее пыток будет... — пробормотал Сашка.

Данил, вынув «Пернач», щелкнул предохранителем. Оглядел сталкеров.

— Кто?..

Он пытался заглянуть в глаза каждому из них, но тщетно — бойцы, словно чувствуя в случившемся и свою вину, отводили глаза.

— Кто выполнит последнее желание товарища?! — обозлившись и на себя, и на друзей, да и вообще не весь этот гребаный мир, заставляющий собственной рукой добивать близких тебе людей, заорал Данил. — Мать вашу, кто?! Пашка!? Твой командир лежит или нет? Локатор?! Кто?!

Бармаглот, взяв пистолет, подержал в руках... и протянул обратно.

— Не смогу. Просто не смогу — и все...

— Локатор?

Славка мотнул головой и сделал маленький шагок назад, не сводя глаз с «Пернача».

— Я за всех отдуваться буду? — переводя взгляд с одного на другого, с тихой ненавистью спросил Данил. — Вы что же, суки, в палачи меня записали?! Сначала Соник, теперь —

Ариец...

Локатор молчал.

Данил еще раз оглядел друзей, нагнулся над Ильей и посмотрел в его глаза.

— Моргать можешь? — голосом, осипшим от предчувствия того, что ему сейчас придется совершить, спросил он.

Ариец моргнул.

— Что мне делать, Илюха? Моргни еще раз, если твердо решил...

Веки опустились и спустя долгую-долгую секунду поднялись вновь. Сталкер твердым взглядом смотрел на товарища. Голова его дернулась судорожно, словно он пытался что-то произнести, и Данил скорее почувствовал, нежели услышал:

— Отдай... свой долг.

Его вдруг бросило в жар от осознания того, каких усилий стоило Арийцу произнести эти простые и вместе с тем невероятно сложные слова. Тело больше не повиновалось, и сознание его до конца дней своих обречено было существовать в этом живом саркофаге... Что еще могло быть страшнее этого кошмара?

И тогда Данил, с полным сознанием того, что все делает правильно, приставил к виску товарища ствол и нажал на спуск.

Глава 2

Первые странности

И потянулись дни, наполненные бездельем и ожиданием. Караван двигался по радиоактивной местности, фон иногда взлетал под сотню рентген — это если не считать попадающихся по пути локалок с излучением за триста-четырееста — и вылезать из кунгов поразмять ноги совсем не хотелось. Две недели — срок немалый, на машине можно умотать черт знает куда, но только при условии, что дорога чиста и движешься на хорошей скорости, а не ползешь черепашим шагом. Несколько раз им попадались радиоактивные пепелища городов, цифры в окошках дозиметров взлетали в заоблачные выси, и колонна, спешно разворачиваясь, отходила назад, выискивая обходные пути. Все эти метания удлинляли дорогу чуть ли не вдвое, и Данил все время волновался — успеют ли? На кону стояли жизни — жизни не абстрактные, жизни родных и любимых людей.

Безделье постепенно становилось всеобъемлющим. Бойцы либо валялись и тупо пялились в одну точку, либо — если Хасан по внутренней связи передавал команду «внимание по всем направлениям» — вставали по окнам и глазели на унылую местность. В такие моменты в душе Данила царила щемящая сердце всепоглощающая тоска — другого настроения окружающий пейзаж навеять был не способен.

Ржавые остовы автомобилей под откосами, поваленные столбы линий электропередач, обвалившиеся мосты, мусор, песок, листва, грязь, истлевший хлам на дорогах, выбеленные дождями и солнцем костяки, среди которых человеческих скелетов было гораздо больше, чем костей животных... и — руины, руины, руины. Большинство из них стояли мертвыми, но в некоторых все еще копошилась вялая, полузадохшаяся жизнь — пару раз он видел какие-то бледные тени, шмыгающие между остатков строений, возвышающихся как осколки гнилых зубов, и ныряющие в черные провалы дыр в кучах мусора... И так было везде, везде, где б они ни проезжали. От человеческой цивилизации, веками поднимавшейся по ступеням эволюции, остались лишь агонизирующие останки, опаленные огнем радиоактивного излучения. И теперь эти останки судорожно дергались, хрипели, пуская кровавые пузыри, и, в попытках подняться, сучили изувеченными апокалипсисом ядерной войны конечностями.

Тряская тягомотина дороги, пейзаж, щемящий сердце, скука... В такие дни чем заниматься? Известно: либо байки травить — либо оружие начищать. Можно то и другое сразу. Стволу, оно понятно, такой уход только на пользу, а вот мозгам от баек пользы никакой, одно разложение. Спасибо Семеныч выручал. Вероятно, он и впрямь когда-то был ученым, потому как сведений об окружающем мире в его голове содержалось не перечсть, и послушать его всегда было одним удовольствием.

Сеанса, обещанного связистами, ждали двое суток, и когда все-таки пришло известие, что тревога была ложной, бойцы повеселели, — потеря бронепоезда означала бы, что путешествие пора заканчивать. Поворачивай оглобли — и домой. Возможно, для Братства это и было бы неприятно — но и только, а вот для Убежища это означало медленную и мучительную гибель. Поэтому Добрынин — как, впрочем, и остальные сталкеры — услышав о том, что бронепоезд в норме и следует по заданному маршруту, вздохнул с облегчением. И тут же, вспомнив о поставленной на днях галочке, принялся допрашивать Семеныча на предмет дальнбойности связи.

— Тут вот ведь в чем дело... — Профессор, валявшийся на нижней полке, от скуки был готов рассказывать о чем угодно. — Таскать с собой что-то типа Р-140 на сто тридцать первом ЗИЛе у нас возможности нет. Еще одна машина — это дополнительный расход топлива, а когда бригада уходит в дальний поиск, либо сопровождает караван, — каждый литр на счету. Неизвестно ведь, когда вернемся и сможем ли в рейде соляру достать. Потому — жесткая экономия. К тому же максимальная дальность Р-140 — две тысячи километров, да и то лишь в идеальных условиях, при телеграфной работе. А мы, порой, уходим на такие расстояния, что достать можно только со спутника. Вот им-то и пользуемся.

— Спутником? Они еще остались? — поразился Данил.

— Да. Нашли его случайно, но раз уж нашли — грех не пользоваться. Хрен его знает, по какой он там орбите движется, но над нами проходит очень быстро. Сеанс связи длится недолго, и за это время нужно успеть настроиться на сигнал, связаться и обменяться информацией. Зачем кому-то понадобилось запускать такой неудобный спутник, я не понимаю, хотя вполне возможно, что изначально он ходил по совершенно другой орбите, которая изменилась в результате бомбардировок. Наверняка ведь досталось не только наземным целям. У Китая, Штатов да и у России были орбитальные спутниковые группировки, а ведь это одна из первоочередных целей.

— Неудобно — один спутник всего, — заметил Ли.

— Скажи спасибо, хоть такая связь есть! — подал голос Урюк. — А то умотаешь тысячи за четыре километров от базы — и кукуй, гадай, что там творится. А так, один раз в пять суток — обмен сигналами. «У нас нормально — у нас тоже, привет от домашних». Все на душе легче, когда знаешь, что дома все в порядке.

— Так у вас там военная база или как? — спросил Сашка.

— Да как... как у вас, в общем. Думаешь, тебя, что ли, одного дома ждут? — ответил Семеныч. — Урюка, вон, тоже маленькие... хм... урючата дожидаются...

Ахмед добродушно рассмеялся:

— Да... Трое у меня. И все пацаны. Один — совсем уже взрослый. Джигит! Скоро в третью бригаду возьмут! А двое поменьше, одному — семь, другому — пять.

— А у меня — четверо, — похвалился Профессор. — Один уже во Второй охранной, под Твердохлебом ходит, другой в штабе сидит, у Тарантула, нашего команча, на виду. Глядишь — со временем и в верхушку выбьется. Ну а еще двое — те малые совсем...

Сашка, жалея уже, что завел разговор о доме, перешедший на такую скользкую тему, бросил взгляд на товарища — Данил морщился, как от зубной боли. Мутация, будь она неладна... Все бы отдал за один только шанс! С самого детства, как, наверное, любой ребенок, росший без родителей, он мечтал, что когда-нибудь у него будет полноценная семья. Жена и сын — а лучше двое! Пробовали с Иринкой регулярно, даже к Айболиту ходили — не посоветует ли чего. Тот только руками развел — специализированное оборудование нужно, клиника. Хотелось ребенка — до зубовного скрежета хотелось! — да все без толку. У Сашки — один, у Вана — аж трое! А у него — нет. Даже ссориться с Иринкой начали — та хотя бы приемного просила взять, от войсковых, или, несмотря на то, что обожглись уже один раз, — жену еще одну из тех девушек, что с ребенком. А ему не хотелось — хоть убей. Не лежала душа к чужому, своего хотелось, родного. Иринка уж и так и эдак подкатывала, и истерики устраивала, и уйти грозилась — а он уперся, как баран. Так и смирилась. Да и то сказать — знала ведь, за кого замуж идет. Мутант, а от мутанта понятно, какие дети. Вот они где, мутации, боком вышли. И рад бы избавиться, ну их к чертовой матери, однако нет. Каким

родился — таким и умрешь.

Под эти мысли настроение испортилось окончательно. Прикинув время, Данил хотел было уже ложиться спать — чего сидеть да киснуть? И лег бы — да Санька не дал. Перед ужином он вдруг ОЗК мыть озаботился, помочь попросил. Данил сначала было удивился... После получения демронов ОЗК можно было смело выкидывать — а он мыть вздумал. Хотел было так и ответить — да сообразил, что неспроста эта просьба. К тому же и Сашка усиленно намекал, что дело не только в помывке — подмигивал едва ли не в оба глаза да на дверь время от времени чуть заметно кивал.

Выбрались в тамбур. Сашка, развернув костюм и расстелив его на полу в душевой, включил тонкой стружкой воду, принялся чистить резину легким хлорным раствором. Данил было попытался помочь, да напарник его остановил.

— Дан, стой там, через дверь поглядывай, — проворчал он, делая легкие для вида движения, будто бы протирая комбинезон. — Весь вечер тебя вызывать стараюсь, а ты тупишь, как валенок!

Данил, ухмыльнувшись, промолчал — уж больно забавно выглядел Сашка, со злобной физиономией глядящий на него снизу вверх.

— Секи за народом и меня слушай, — продолжал меж тем в полголоса товарищ. — Ты не помнишь, случайно, из курса географии, что нам Натальпетровна рассказывала про Печорский бассейн?

Данил нахмурился, припоминая.

— Не больно много. Помню только, что расположен на западном склоне Полярного Урала и с северной стороны упирается в Баренцево море. Все.

— Я это тоже помню да еще кучу информации сверх того, — пробормотал Сашка, — но хоть убей — не припоминаю, что в тех областях соль добывали. Уголь — это да, уголь там есть, потому так и называется — Печорский угольный бассейн. А вот соль...

— Не пойму я что-то, куда ты клонишь... — нахмурился Данил. — Соль, уголь... Какая хрен разница?

— А ты припомни, что майор на собрании говорил. Шахта, по его словам, находится в соляных коях! А в Печере этих копей отродясь не бывало — соли-то там нет!

— Ты что же, со школы все так подробно помнишь? — не поверил Данил.

— Представь себе. А знаешь, почему? Потому что Петровна меня по этой Печоре три урока гоняла после того, как я ей с первого раза не рассказал. Мы тогда как раз у Родионыча тренироваться начали, и я пару недель вообще уроки учить не успевал, — спал все время. Вот она меня и подловила.

— Что-то не припомню того случая, — покачал головой Данил. — И что там дальше было?

— А это все. Про Печору я ей тогда все же ответил — пришлось весь параграф в учебнике вызубрить, как стихотворение. Рассказал — и из головы выкинул. Думал, что выкинул. А видишь, где пригодилось... Вот это мне покоя и не дает.

— Получается, раз соли там нет, то и пещер солевых быть не может. А Хасан обратное утверждает, — пробормотал Данил, косясь сквозь стекло на внутренности кунга. — Ну и зачем, скажи ты мне, майору нам лажу гнать?

Сашка развел руками:

— Причин много можно придумать...

— Или напутал он? Может, не в соляных пещерах шахту делали, а в угольных?

— Нет, не напутал. Припомни-ка — он специально тогда отметил, подробно расписал, что это именно соляные копи, да еще и добавил, что в них воздух очень хороший и такие шахты раньше оборудовались для лечения астматиков. Помнишь, еще вопрос кто-то задал, как там с воздухом...

— Да, было... то ли Бармаглот, то ли Лютый...

— Лютый, точно. И Хасан прямо тогда про копи и ответил. Зачем говорить, если это не так?

Данил задумался. И впрямь, зачем говорить то, чего нет? Казалось бы — мелочь, но мелочь непонятная и неприятная, настораживающая. Нестыковка. А где нестыковка — там и обман недалеко. Подстава...

— Ладно, — принял решение он. — Поглядим, что дальше будет. Наблюдай, подмечай. Что заметишь — сразу мне. И не устраивай ты больше клоунаду с ОЗК Проще надо быть...

— Будешь тут проще, когда целыми днями в одном кунге сидим, — проворчал Сашка. — Тут не только «проще» — пантомиму целую разыграешь! Эх, чую я — неспроста...

— Ладно, прикрыли тему, — быстро пробормотал Данил, наклоняясь и помогая перевернуть костюм. — Проф идет...

Семеныч, открыв дверь, с минуту глядел, как напарники самозабвенно дряют ОЗК. Потом не вытерпел и посоветовал то же, что чуть ранее хотел посоветовать Данил — выкинуть костюм к чертовой матери.

— Тебе эта тряпка теперь зачем? На память о босяцких временах оставишь? — ехидно поинтересовался он.

Санька отмахнулся, и Семеныч, ухмыльнувшись и пожав плечами, закрыл дверь.

Уже и на привал встали, улеглись да огни погасили — а Данил, лежа на полке, все думал над словами товарища и не находил объяснения. Может, все-таки Санька ошибается, путает что-то? Вполне возможно, хотя раньше за ним такого вроде бы не замечалось. Напротив — друг, имея мозг, склонный к анализу, всегда был чуток к различным нестычкам. Да и шестое чувство у него развито будь здоров, не единожды он это доказывал. Какой смысл Хасану врать? Обман рано или поздно откроется, и тогда майору просто-напросто предъявят счет, который придется оплатить. Тем более что людей у него сейчас меньше раза в полтора, а по качеству экипировки теперь все бойцы равны. Начнись внутренние разборки — еще неизвестно, кто кого. Особенно если подключатся те, кого подберет бронепоезд — их ведь тоже, получается, за нос водят. Так что никакого смысла в обмане Данил не видел.

Так ничего и не решив, он не заметил, как погрузился в сон. И снилось ему, что нашли они шахту, отбили, открыли многотонные двери и попали на склады, битком набитые ящиками, мешками и коробками самого различного веса, формы и содержания. Да только рано радовались — не давались те коробки в руки, уплывали, словно кто магнитом их оттягивал. Бегали за ними, бегали — все впустую. Так, в бесплодных гонках по коридорам и переходам комбината и прошла ночь.

* * *

Следующий день начался адским пеклом. С самого утра караван двигался по открытой местности под немилосердно палящим солнцем, среди полей, заросших чахлым кустарником, перемежавшимся с островками высокой травы, в которой изредка попадались

одинокое стоящие о дуваны и стелящиеся по земле вьюны. Бойцы, раздевшись до трусов, сидели мокрые, злые, хлестали воду, которая тут же выступала на коже крупными каплями пота. В полдень, когда стало совсем невозможно и духота в кунге достигла предела, включили вентиляционную установку. Температура упала на пару градусов, и только. Санька с Кубовичем, пытаясь отвлечься, пробовали было играть в карты — чуть до драки не дошло. Один сжулил, другой заметил — и понеслось, насилие разняли. Полдня потом, до самого вечера по углам сидели, зверями друг на дружку зыркали, клыки скалили да отфыркивались.

Полегчало только к девяти. Из раструба под потолком подул прохладный ветерок, и одуряющая дневная духота начала постепенно сдавать позиции.

— Слышь, Семеныч! Ты вроде как уник на днях обещал показать... — первым к жизни вернулся Ван. — Так, может, хоть теперь продемонстрируешь?

Семеныч в позе ленивца Сида, валяющийся на полке, заворчался. Проворчал:

— А чего ж не показать. Покажу...

Поднялся, почесывая намечающееся волосатое пуздо, дернул цепь, утягивая стол под потолок и освобождая проход. Подошел к торцевой полке, под которой, как уже знал Данил, в ларе хранилось его хозяйство, открыл и, закряхтев, вытащил наружу черный костюм, выполненный в виде комбинезона. Напарник с интересом уставился на него. На своей полке приподнялся на локтях Шрек и тоже принялся рассматривать уник.

Костюм впечатлял.

Первое, что бросалось в глаза, — фактура ткани. Да и ткани ли... В первый момент Данилу показалось, что Семеныч держит перекачанное до невозможности, ободранное от кожных покровов тело тяжелоатлета с оттяпанной головой. Только вот оголенные мышечные волокна у него были не красные, а черные. На торчащем из ларя торсе, четко очерченные, выпирали мощные группы грудных и дельтовидных мышц, виднелись кубики пресса. Семеныч еще раз дернул, пытаясь вытянуть костюм полностью — и наружу свесился толстенный окорок ручищи со здоровенной банкой бицепса.

— Вы, случаем, не близнеца ли Шрека нашего освеживали, изверги? — с иронией осведомился Сашка. — Уж больно похож... Слышь, Леха, у тебя брат не пропадал?

— У меня сестры, — ответил Шрек, хмуро глядя на комбинезон.

Данил подошел к Семенычу, пощупал ткань, надавил. Под пальцами приятно заструилась бархатистая поверхность. Будто твердая резина, обросшая мякеньким пушком. Сверху податливо, но только до определенного предела и глубже уже ни в какую. И мизерная ямка на «мышечном пучке», образующаяся от давления, тотчас же исчезла, стоило только ослабить хватку.

Он озадаченно поскреб подбородок, глянул на Профессора.

— ТТХ расскажешь?

Семеныч пожал плечами:

— Почему нет? Особого секрета мы не делаем. Универсальный комбинезон «Шагающий танк», в составе имеет экзоскелет из квазиживых материалов грузоподъемностью до ста процентов, наноброню восьмого класса защиты, систему постановки дымовых завес, тепловизор, ПНВ^[7], трехслойная демроновая ткань. Ну и разную прочую мелочь типа автоматического медицинского комплекса, радиостанции в шлеме, снегоступов...

Данил потер макушку, недоверчиво глянул на Профессора.

— Восьмой класс? Да максимальный класс защиты броника — ба! Это тот, что СВД держит. А тут восьмой. Уж не от пулемета ли крупнокалиберного?

— От него, родимого. Наноброня неплохо держит четырнадцатый калибр, скажу я тебе. Мы как-то для пробы расстреливали один такой на полигоне. Правда, унесет тебя после такого попадания метров на шесть, но это уже мелочи. Главное, жив останешься.

— А как же запреградный импульс? — недоверчиво спросил Данил. — Ведь ребра же переломает! Полковник как-то рассказывал, что в бытность его армейскую был такой случай — два прапорщика бестолковых броники надели и дуэль устроили на пистолетах. Один промахнулся — а другой попал. Легкое размозжил человеку и ребра поломал. Тот скончался прямо на операционном столе. И это — девятимиллиметровый патрон к ПМ. А тут — четырнадцать с половиной! У них энергии несоизмеримы!

Профессор расхохотался:

— Ну ты загнул!.. Это ж когда было-то, сколько лет назад? Внутри не лазил, подробно не расскажу. Знаю только, что здесь применена технология «жидкой брони»^[8]. Под основной броней есть несколько слоев ткани, между которыми располагаются тончайшие емкости, заполненные специальным составом, смесью растворителя и мельчайших твердых частичек определенной конфигурации. При попадании пули частички реагируют на проходящий импульс — мгновенно сцепляются, уплотняются, и участок в области попадания становится твердым. Это и позволяет распределять приходящую энергию по большим площадям. Остаточный импульс принимается внешним титановым скелетом, который идет вдоль всего позвоночника и подпирает шлем, не давая свернуть себе шею при попадании пули в голову. Ну и, кроме всего прочего, там внутри еще и амортизационная прокладка стоит. Так что... справляется.

— А тридцать миллиметров?

Семеныч усмехнулся:

— Ну ты загнул... И у наноброни свои пределы есть.

Данил уважительно кивнул, поглаживая ткань:

— Хорош, сказать нечего...

— Конечно, надев его, ты не становишься абсолютно неуязвим. Как бы того ни хотелось, — усмехнулся Профессор, увидев, как загорелись его глаза. — Уязвимое место было даже у Ахиллеса... Здесь это — складки в паху и под мышками, шея, локти, колени — словом все подвижные места и сочленения. Боец должен двигаться, причем без стеснений и ограничений. Подвижные части защищены, конечно — но вряд ли удержат тот же пять-сорок пять. И еще. Такая стойкость возможна, только если присоединены топливные элементы. Без батарей уже двенадцатый калибр бьет его в обе стенки, но семерку он держит уверенно.

— Он еще и без батарей работает?

— Уник имеет два режима функционирования. Первый — ограниченный, без энергоподпитки. В таком режиме он работает как обычный компенсационный костюм, выдавая за счет структуры и строения самого материала прирост в мускульной силе и грузоподъемности носителя до двадцати процентов. И второй — когда уник работает в режиме энергопотребления. Вот тогда это действительно шедевр! Восьмой класс защиты, грузоподъемность до ста процентов — предельный вес, который ты сможешь поднять и еще столько же сверху — увеличенная сила удара и толчка, тепловизор, ПНВ, система дыхания с замкнутым циклом... Ну и прочие мелочи, о которых я уже, кажется, говорил.

— И противогаз встроен?

— Встроен, — кивнул Семеныч. Повернул комбинезон и постучал по небольшому плоскому ранцу, закрепленному на спине. — А здесь, в ранце жизнеобеспечения, в

специальном отсеке — запасные фильтры. В достаточном количестве, так как много места они не занимают.

— Короче, надел — и Терминатор, — подытожил Данил. — Джаггернаут какой-то... Только мне вот что непонятно — почему же вы против нас в этой броне не вышли? Если все так здорово — блокпост вы взяли бы без проблем...

— С собой у нас их только два — у меня и у Хасана. Да только после того как вы шустренько угнали танк и подорвали насыпь — мы с майором бронепоезд пасли. Оказалось, что вы ребята не простые, а бронепоезд у нас один.

Данил ухмыльнулся, принимая комплемент.

— А не боишься — вдруг украдут? — захихикал Сашка. — Сунешься вот так под лавку — а он убежал. Или в бою как трофей снимут да против твоих же используют.

— Только если вместе с головой.

— Ага, понял. Только через твой труп?

— Можно и так сказать, — улыбнулся Профессор. — Этой броней нельзя пользоваться, если у тебя нет ключа, — костюм не опознает тебя как пользователя. Конечно, никто не мешает использовать уник в ограниченном режиме, как обычный компенсационный противорадиационный костюм и броник, да вот только по сравнению с остальными его возможностями это так себе... тряпка.

— Ничего себе тряпочка! Тройной демрон, броня шестого класса и прирост силы в двадцать процентов... Да если вон тот же Дан его напялит — не говоря уж о Шреке — ему с его силищей и такого прироста хватит, чтоб дел наворотить!

— И все равно по сравнению с остальными его возможностями это почти ноль, — повторил Семеныч. — Без ключа его полным функционалом не воспользуешься. А ключ — он вот где, — и он постучал себя пальцем по затылку.

— Вот оно что... Система безопасности? Хитро!

— А ты чего хотел? Это тебе не автомобиль — сел, завел и поехал — его просто так не угонишь. Ключ — это страховка именно на такой случай.

— А батареи где заряжаете? — продолжал допрашивать Сашка.

— Только на базе. Для этого есть специальная установка. Батарей, кстати, две, и находятся они в затылочной части шлема.

— Получается, если шлем не надет, то и функционал ограничен?

— Точно. После того, как пользователь надевает шлем и соединяет его шейными фиксаторами с уником, — от центрального процессора идет запрос к ключу для опознания «свой-чужой». Если приходит ответ — все нормально, подключаются остальные функции. Если же ответа на запрос нет, то включается блокировка. Из электроники заработает разве что ПНВ да радиостанция, и только. Ну противогаз еще — ему энергоподпитка без надобности.

— И какова же емкость батарей? Надолго хватит?

— В режиме полной загрузки — пару дней. А в половинной и неделю протянет.

— А собственный вес?

— Шестнадцать килограммов.

Сашка присвистнул:

— Да ведь охренеешь таскать!

— Вовсе нет. Вес распределен по всему телу и поэтому почти не чувствуется. Как разгрузочный жилет — распахал снарягу по карманам — и все, будто и нет ее... Да и про

грузоподъемные качества ты совсем забыл. Это мне сейчас его тяжело держать. А наденешь — легкий станет, как перышко... Даже без энергопитания свои двадцать процентов он с лихвой отработывает.

— Ну а как на счет стирки и чистки? — не сдавался Сашка, будто пытаюсь найти у чудокомбинезона хоть какой-то изъян. — Он ведь электроникой напичкан! Как его в воду-то?..

— Что-то ты сегодня туго соображаешь, Попович, — ответил за Профессора Кубович. — Вся электроника сосредоточена в шлеме и ранце. Сними ранец и шлем — хотя зачем их снимать, они и так водонепроницаемы? — чисть и стирай, сколько душе угодно. Подключи ранец и шлем с батареями — получаешь высокотехнологичное изделие по уничтожению живой силы противника. Все.

Сашка, наконец, умолк, переваривая сказанное.

— Времена рыцарей возвращаются, — глядя, как Семеныч заталкивает комбинезон под лавку, сказал Данил. — Знаете, почему в средневековье рыцарство вымерло? Просто исчезло как класс — и все? Да потому что в военных действиях начали применять сначала арбалет, а потом и огнестрельное оружие, которые пробивали рыцарский доспех. Какой смысл носить полный, закрывающий тебя с ног до головы, тяжеленный панцирь, если против стрелка с арбалетом или пищалью тебе все равно не выстоять? Рыцарь — это самодостаточная единица, боевая машина сама в себе. Даже без поддержки всяких там лучников и пехотинцев народу он мог нашинковать, будь здоров! Ну а теперь, раз снова возвращается неуязвимость от огнестрела — времена таких вот одиночек-универсалов не за горами.

— А я-то думал, что эти костюмы только в фантастических книгах встречаются... Экзоскелет — это ж охренеть можно... — пробормотал Ли.

— Раньше — возможно, — пожал плечами Профессор. — В моем детстве это и было фантастикой. Но в детстве моего деда фантастикой был компьютер, а в детстве моего прадеда — полеты в космос. Так что, как видишь, прогресс на месте не стоит...

— Да кому ж сейчас прогресс-то вперед толкать? — усмехнулся Санька. — Весь мир в руинах!

Семеныч нахмурился:

— Вот чего не люблю — так это когда голословно что-то утверждают, не имея никаких представлений о предмете! Ты его видел, весь мир, чтоб с таким авторитетом заявлять? Сидел ты в своем Убежище, выползал понемногу на поверхность, по окрестностям бродил и далеко от него не удалялся. Откуда ты можешь знать, как обстоят дела? А между тем выживших в одной только европейской части страны полно! Вот к примеру... — он запнулся, соображая, — вот к примеру — Ярославль. Там хищная община обитает, называют себя «Орденом нефтяников». Укурки те еще! Отлично вооружены, техника неплохая... Всех соседей порезали, соляру грабят! И ведь много накопили уже — раскулачивать пора! И раскулачим, дай срок! А на Урале, в районе Белорецка — «Степные псы» живут, людей в рабство угоняют. Прямо как степняки-кочевники, право слово... А еще по слухам под горой Ямантау военный бункер сохранился — вояки те со «Степными псами» на ножах. И это я тебе только некоторых назвал...

— Конкурентов? — усмехнулся Данил.

Профессор сощурился и повторил:

— Ничего, дай срок... С Росрезервом закончим, домой сгоняем — и за них примемся... А вообще... и в Самаре люди выжившие есть, и в Сочах, и в Нижнем... Да много где! А ты говоришь — мир в руинах... — обернулся он к Сашке.

— Это мы сами знаем, с караванами слухи доходили, — кивнул тот. — Есть разрозненные общины, есть выжившие деревеньки в глуши — но ни разу я не слышал о сохранившихся городах или целых сообществах! А ведь только крупным сообществам под силу этот самый прогресс!

— Смею тебя уверить — не все так печально, как слухи доносят. Да, сожжены города и подавляющее большинство населения планеты либо погибло, либо деградировало и мутировало, но кое-где жизнь все же зацепилась и зацепилась крепко... И я говорю не только о деревушках, рассыпанных по всей территории Урала, Сибири или африканской саванне. В других местах тоже сохранилась жизнь. Включи логику! Кому нужно бить, например, по стране, в которой нет и не было никогда ядерного оружия, которая живет тихо-мирно, не предъявляя претензий на мировое господство?

— По-твоему выходит, что где-нибудь в Африке все осталось по-прежнему? — спросил Данил.

Профессор пожал плечами:

— Не бывал, не знаю. И потом — почему обязательно Африка? Были и другие страны, например Австралия, Новая Зеландия, Гренландия, Канада. Эти государства за мировое господство никогда не боролись и ядерного оружия не имели, хотя технологии были и у них. Их, конечно, зацепило — не бомбардировкой, так радиоактивными осадками — но, вполне возможно, люди смогли выжить, уйдя под землю. Впрочем, вам ли об этом рассказывать...

— Хорошо, пусть так. Где же, по-твоему, сохранилась жизнь? И не отдельными разрозненными кучками, а целыми цивилизованными сообществами? — упрямо долбил в одну точку Сашка. — Такими очагами, где есть возможность продолжать развивать науку и технику, культуру, искусство?

— А давай-ка прикинем, — Семеныч повозился на полке, устраиваясь поудобнее и радуясь, похоже, что сможет блеснуть красноречием. Сплел руки на животе, поиграл пальцами, как заправский профессор.

— Итак — небольшое предисловие для начала. Так сказать — для ознакомления с предметом.

В «Ядерный клуб» — неофициальное название группы стран, обладающих ядерным оружием — входили следующие государства: США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан и КНДР. Кроме того, считалось, что ядерное оружие есть у Израиля, Ирака и Ирана. У каждой страны, согласно принятой ею военной доктрине, имеется вероятный противник. Что бы там ни говорили болтуны от политики, в чем бы друг друга не уверяли — вероятный противник у каждого отдельно взятого государства существует всегда. В последние годы, до Удара, наибольшую военную мощь приобрели Соединенные Штаты Америки, вторым шел Китай, третьей — Россия. Военная машина США была настолько сильна, что эта страна могла позволить себе записать в вероятные противники полмира. И они понемногу это делали. Воевали то там, то здесь, продвигая идеалы демократии в том виде, в котором считали нужными. Я, конечно, не могу знать сценария развития конфликта наверняка, но предполагать — вполне...

Практически перед самым Ударом все большие обороты начал набирать ядерный скандал с Ираном. Эта страна начала разрабатывать ядерные технологии еще в восьмидесятых годах прошлого века и в течение восемнадцати лет скрывала свои разработки. Было время, когда они ненадолго приостановились, но в две тысячи шестом году продолжили развитие. В конце шестого года ООН принял резолюцию, налагающую на Иран

экономические санкции, в том числе запрет на поставки продукции и технологий, которые могли способствовать развитию их ядерной и ракетной программ.

— Что ты хочешь этим сказать? — перебив, недоверчиво его спросил Санька. — Получается, кто-то вот так вот запросто мог запретить государству делать то, что оно считает необходимым для своего развития? А если ему пулемет в зубы сунуть?..

Профессор горько усмехнулся:

— А ведь так и было, Саня. Сплошь и рядом. И пулеметы совали, и более серьезное оружие... А еще раньше — мечи и копья... Вспомни историю — у вас в Убежище, вроде, была школа? Вся история человечества — это войны, борьба. Затихала одна — разгоралась другая. Борьба за выживание, борьба за веру, борьба за независимость... Борьба за раздутые идеалы лживой демократии, которыми прикрывалась борьба за ресурсы... Война — это наши гены. Ты сам-то куда едешь — не забыл? И по какому праву?

— За мной — мой дом! — набычился Сашка. — Если не возьмем шахту — Убежище рано или поздно превратится в могильник!

Профессор примирительно покивал:

— А хоть бы и так. Пойми — я не осуждаю. Я и сам иду забирать то, что мне не принадлежит, но то, что мне нужно для существования.

Я хочу жить, и это мое право — право на жизнь! Истина проста и стара, как мир: хочешь жить — убивай или сам подставляй горло. Право на жизнь и право на силу всегда идут рука об руку!

Данилу вдруг вспомнились слова Родионыча, которые он частенько повторял, делая из молодых телят молодых волчат: «Умри ты сегодня — а я завтра! Или — ты, или — тебя. Третьего не дано». Он с самого начала принял этот закон, сжился с ним и лишь благодаря ему был жив до сих пор. А вот те, кто не сумел, — где они? Где Цукер? Топтун где? Один так и не смог выстрелить в человека, другой — непростительная, непонятная Данилу глупость — пожалел раненого выродка. Не стал добивать, а через месяц был задран этим же выродком, которого, пристрелив, узнали по характерному шраму, оставшемуся после ранения. Так что — о чем тут говорить? Прав Семеныч, и Родионыч тысячу раз прав.

— ...Санкции ужесточались несколько раз, — продолжал меж тем Профессор, — но, тем не менее, весной седьмого года Иран объявил о начале промышленного обогащения урана, официально заявляя, что это необходимо для развития атомной энергетики. Россия, кстати, поддерживала эту страну и даже помогала запустить первую атомную станцию в Бушере. Однако против были США. Штаты совместно с Израилем наверняка рассматривали возможность ликвидации иранской ядерной угрозы путем военной операции. И, судя по всему, рассмотрели... Тавтология получилась — хотели обезопасить себя от ядерной угрозы, а развязали атомную бойню... Рано или поздно привычка кидать бомбы куда попало должна была отлиться Штатам горячими слезами. Отлилась им — а с ними и всему миру... Думаю, собственно, с этого все и началось. Потом подключился Китай — в последние десятилетия он довольно бурно развивался и уже выходил на мировую арену в качестве сверхдержавы. К тому же, Китай и Россия категорически отказались встать на сторону США в решении иранской ядерной проблемы — да и не только ее. В той же степени это касалось конфликта с Сирией и некоторыми другими странами. А тут еще и Корея со своими испытаниями... Там сменился диктатор, к власти пришел молодой, амбициозный — а у таких вообще крыша отсутствует как данность. Словом — напряжение на начало века пришлось нешуточное, хотя уже и закономерное. Вспомните: начало девятнадцатого века — война с Наполеоном, начало

двадцатого — первая и вторая мировая... Ну а уж на начало двадцать первого — третья мировая припала. Последняя.

Ну и... Конечно, я не знаю, как все началось, — но суть не в этом. Нас ведь интересует вопрос, где могла сохраниться жизнь, а не кто первым ударил. Кто-то решил перейти к решительным мерам, а дальше — дальше началась цепная реакция. Каждая страна торопилась нанести упреждающий удар по вероятному противнику. Наверняка во всем этом хаосе досталось и странам, не имеющим на вооружении ядерного оружия. За компанию, так сказать. Но — вряд ли досталось критично. Не было смысла в те часы, что длилась эта молниеносная война, расходовать силы на противника, который не сможет ударить в ответ. Ядерные державы старались прежде всего поразить того, кто мог сделать упреждающий удар, а безоружных заделали лишь краем. Вот и получается, что наличие в арсенале ядерного оружия не гарантировало избавление страны от уничтожения, а совсем даже наоборот...

Он вдруг умолк. Молчали и остальные, представляя себе нарисованную апокалиптическую картину. Данил, обладавший достаточно богатым и живым воображением, видел перед мысленным взором стартующие из шахт ракеты, несущие на борту совсем даже не мирный атом; мобильные установки «Тополей», выдвигающиеся на боевые позиции согласно штатному расписанию; поднимающиеся на поверхность из океанских глубин АПЛ с ядерным оружием на борту... Десятки, сотни, тысячи ракет устремляются навстречу друг к другу. В работу включается ПРО, в атмосфере повисают облака плазмы, пачками выжигая рвущиеся к целям ракеты противника, стараясь не пропустить на свою территорию ядерную чуму, активируются спутники орбитальных группировок... Но — уничтожить удастся не все, далеко не все — и на планете распускаются огненные цветы. Горят войсковые объекты, склады вооружения, военной техники, исчезают с лица земли целые мегаполисы, превращаются в радиоактивную пыль крупные промышленные районы, электростанции, нефтехранилища, в ядерном огне гибнут миллионы, сотни миллионов человек. И ради чего все это? Ради кучки амбициозных политиков, поставивших свои желания и интересы выше интересов всего остального человечества?

Данил резко дернул головой, отгоняя наваждение и — вспомнил вдруг, что слышал от полковника.

— А Родионич говорил, что война уже шла, и только переход к применению ядерного оружия был неожиданным.

Профессор пожал плечами:

— Конечно, полковнику вашему виднее, он человек военный. Допускаю и это — но разговор-то сейчас у нас о другом. Вот вам и ответ — где могла сохраниться жизнь. Страны третьего мира либо страны, не имеющие ядерного оружия.

— Но это в теории, — не согласился Сашка. — Это все твои предположения. А где же факты, факты-то где?

— Мои предположения — да, теория. Но все же, вот тебе реальное доказательство, что такие места есть и жизнь там, вкуче с научным прогрессом, не стоит на месте, — Семеныч похлопал рукой по крышке торцевой полки. — На момент Удара подобные технологии были на начальных стадиях разработки. Мне достоверно известно, что исследования велись в Штатах, в Японии и, вполне допускаю, — в Китае. Однако все упиралось в отсутствие достаточно емких, мощных и мобильных топливных элементов^[9]. А наноброню впервые разработала какая-то израильская компания^[10] не то в пятом, не то в седьмом году — я об

этом читал в сети, в новостях-то ни слова не было. И уж наверняка разработки велись вплоть до самого Удара.

— То есть, ты хочешь сказать, что уники вы получаете из США? Или из Израиля? — свесившись с верхней полки, недоверчиво спросил Счетчик. — Неужели вы и туда караваны гоняете?

— Нет. Я не думаю, что в Штатах хоть что-то сохранилось — по вероятному агрессору били все. Хотя, возможно, где-нибудь в Скалистых горах в бункерах да убежищах жизнь все же зацепилась... К сожалению, мы не контактируем с производителем и можем только гадать, чье это изделие. На границе с Монголией есть небольшое местечко — перевалочный пункт — где наши люди встречаются с посредниками, которые и поставляют нам эти комбинезоны. И я даже не уверен, что эти ребята сами находятся в контакте с производителем — скорее я могу допустить, что имеет место цепочка, пройдя по которой можно выйти на конечного поставщика. Слишком уж высока цена комбинезона — наводит на мысль о накрутке. Хотя — кто ж проследить позволит? Свои секреты торгаши охраняют сейчас так же рьяно, как и во все времена. Понятно только, что уники идут откуда-то с востока... Это высокотехнологичный товар, и путем простых и логических построений можно предположить, что его родина — Япония, Китай или Корея. До Удара в этих странах производилось большая часть высокотехнологичного оборудования. И хочу заметить, что технологии, подобные этим, один заводик не осилит. Тут должны работать целые предприятия и исследовательские институты. А их работа, в свою очередь, немислима без обеспечения людскими ресурсами, без человеческих мозгов. До такого в одиночку не дойдешь, это только в фильмах сумасшедшие ученые открытия пекут, как бабушка пирожки. Здесь многие работали. А это в свою очередь говорит нам о целом скоплении, возможно — городе, даже целой стране или хотя бы ее осколке.

— И почему же вы такие штуки берете? — заинтересовался Данил. — Так, для справочки...

— Тебе столько не собрать, — криво усмехнулся Профессор. — И мне тоже. Уники меняются на золото, по весу. На все Братство таких костюмов штук десять.

Данил присвистнул, сверху раздалось оторопелое кряхтение Счетчика.

— Никогда не понимал, зачем нужно золото, — подал он голос. — Съесть — не съешь и из автомата не выстрелишь... Разве что жене на украшение подарить. Ладно — патрон, валюта! Но золото... Оно-то зачем?

— А ты в курсе, что золото используется не только для изготовления цапок и побрякушек? Этот металл незаменим при изготовлении разного рода контактов, плат, микросхем или подобных технических устройств. Не случайно раньше говорили: будущее принадлежит машинам с золотыми мозгами! Да что далеко ходить — в мозгах того же уника этого металла не меньше килограмма. Видимо, тем, кто производит такие комбинезоны, золото необходимо сейчас как никогда, вот и меняют на него всякие полезные и высокотехнологичные штуки.

— А я-то все думал — зачем караванам золото... И ведь как-то не удосужился ни разу спросить. Им ведь всегда сначала золотишко подавай, а потом уже — патроны.

— Вот то-то. Любопытство — оно не всегда губит. Порой полезно что-нибудь поспросить.

Кунг вдруг рывкнул, переходя на нейтральную передачу и постепенно начал тормозить. Данил наострил уши, ожидая командирского голоса из громкоговорителя, однако тот

безмолвствовал.

— Чего встали? — вполголоса задал риторический вопрос Кубович.

Данил крутнулся на полке и выглянул в окно.

— Свет погасите.

Щелкнул выключатель, и в синеющих сумерках, метрах в двухстах от кунга, он увидел заброшенную деревеньку. Домики с заколоченными крест-накрест окнами, покосившиеся сараюшки, дворы, заросшие высоким бурьяном, попадавшие тут и там заборы, безлюдье...

— Хуторок заброшенный... Почему остановились?

Снаружи вдруг постучали.

— Выходи, э! — голос звучал глухо, но все же Данил смог узнать Хасана. — Защиту можете не одевать, чисто тут!

Чисто! Местность без заражения! Уник был мгновенно забыт — Данил, сорвавшись с полки, принялся торопливо надевать комок. Рядом с той же скоростью, если не быстрее, действовали Ван с Санькой. Шрек поднимался медленно, по причине своего врожденного тугодумства не понимая, видимо, куда спешат товарищи, а Семеныч с Кубовичем вообще смотрели на сталкеров, как на диких.

— Чистая земля! — лихорадочно продолжая одеваться, пояснил Данил, встретившись взглядом с Семенычем. — Вы, может, на нее и насмотрелись — а мы в первый раз видим!

— А, ну тогда, конечно... — туманно отвечивал тот.

В тамбуре Данил задержался лишь на мгновение — по укоренившейся многолетней привычке проверить показания дозиметра. Глянул — сто микрорентген! — и рванул ручку двери.

Воздух снаружи был такой свежий, живой, настоящий — аж голова закружилась. На него сразу обрушилось огромное количество запахов. Запах воды он еще смог узнать, но вот остальные... Откуда же знать человеку, всю свою жизнь дышавшему искусственным, отфильтрованным, мертвым воздухом, как пахнет трава, земля, цветы, лес... Несколько минут он откровенно наслаждался, вдыхая душистый, наполненный разнообразнейшими запахами воздух, забыв обо всем на свете. Потом, немного попривыкнув, опомнился. Огляделся. С чего бы это каравану у деревеньки останавливаться?

Вопрос решился скоро — подошедший Хасан сказал, что привал сегодня будет царский. На природе, да на свежем воздухе. После дневного кошмара в духоте кунга новость была роскошная.

Расположились быстро. В деревеньку не заходили, встали на обочине, оставив машины в кольцо. БТР остался за периметром, разъезжал иногда вокруг, подсвечивая окрестности мощным прожектором. Кроме коробочки в охране остались три квадра и по одному человеку от каждой группы. От своего отделения Данил в первую половину ночи поставил Счетчика. Квадроциклы взрывали где-то в отдалении, бойцы же улеглись в засидки на крышах кунгов, укрывшись маскировочными сетями.

Переговорив с Санькой, Данил задумал сходить в деревеньку. На разведку. Ужин еще не скоро, пока то да сё — успеют. Пошли втроем — захватили Шрека, решив, во-первых, понемногу приучать его работать в команде, а во-вторых, посчитав, что серьезная огневая поддержка в виде пулемета в ночных странствиях по незнакомым местам лишней не бывает.

Деревенька встретила их могильной тишиной, даже сверчки не орали. Данил проверил на всякий случай фон — то же самое. Местность чистая, жилая — а жизни нет. Хотя с другой стороны — ничего странного в этом не было. Если деревушка стоит в чистом пятне посреди радиоактивной местности — откуда ж нормальной живности взяться? А вот ненормальной, несмотря на тишину, тут могло обитать сколько угодно. Хорошо хоть миксера ждать не приходилось — он излучение любит и в чистых местах практически не попадает.

Дома стояли в один ряд вдоль главной улицы, хотя «главная» — это сильно сказано, если она одна, да и то вся сплошь в бурьяне. Первым решили обшарить дом на окраине. Отодрав доски, держащиеся на честном слове, Данил приоткрыл было дверь, намереваясь войти в темную, холодную избу, но его внезапно оттеснил в сторону Шрек. Леха, встав около порога, поклонился и в полный голос прогудел:

— Прости, дедушка... Беспокоим... Пусти прохожих людей дом осмотреть...

Напарники переглянулись, Сашка за спиной гиганта покрутил пальцем у виска.

— Что за фокусы, Леха? — спросил Данил.

— Положено так... — пробормотал Шрек, входя в избу. — Разрешения спросить.

— У кого?

— Домовой...

Данил с Сашкой опять переглянулись, Сашка пожал плечами.

— В деревне так делали... В детстве... — послышалось из темной избы. — Задобрить...

— А иначе?.. — спросил Данил, ныряя вслед за Лехой.

— Плохо будет... — из Шрека, как всегда, слова приходилось тянуть клещами, и Добрынин, плюнув, прекратил это неблагодарное дело.

Задобрил — и ладно. Чем бы дитя ни тешилось...

В избе было неуютно. Рассохшиеся доски пола, стены с осыпавшейся местами глиной и торчащей плетенкой, посеревшая, давным-давно небеленая печка. Стекла в окнах если и уцелели — то через одно. Потолок, угрожающе прогнувшийся в центре, полусгнившие, источенные ножки лавок и стола — все указывало на то, что изба доживает последние годы. Данил выглянул в окно — огород в таком же состоянии, весь в траве. Тоска, запустение. За огородом в неверном лунном свете темнело еще одно строение с трубой — банька.

— Ну и что мы тут найти хотим? — задал вопрос Сашка.

— Н-да, ловить явно нечего... — пробормотал Данил. — Шаром покати.

— До Начала еще... люди ушли... — пробормотал Леха, заглядывающий в загнившую печь.

— Как это? — заинтересовался Сашка. — Просто так ушли? Зачем?

— В города...

«Вот так... — печально усмехнулся Данил. — В города ушли — да там и сгнули. А здесь останься — глядишь, и выжили бы три-четыре дома. Да кто ж знал...»

— Ладно, пошли отсюда.

Оказавшись на улице, Сашка принялся вертеть головой, осматриваясь, а потом уточнил:

— Остальные дома будем проверять?

— А есть смысл? Только если снаружи... Бери Леху и чеши на противоположный край, начинайте оттуда к середине двигаться. Ая с этой стороны пойду. Если заколочен дом — то нечего в него и лезть, мимо проходи.

— А если открыт?

— Если найдешь такой — проверяй. Только осторожно там. И баньки с сараюшками

осматривайте, если попадутся.

— Так, может, вместе и пойдём?

— Разойдемся — быстрее обшарим. Ужин скоро, а мы здесь торчим. Все, чешите, а я пока баньку осмотрю.

Времени на баньку ушло немного. Данил, держа наготове «винторез», осторожно прошел по огороду и подошел к бревенчатому строеньицу. У порога, следуя примеру Шрека и стесняясь сам себя, незнамо у кого испросил разрешения заглянуть внутрь. Не сказать, чтоб он был суеверен — но что-то такое в словах Лехи было... Тем более — как он успел уже убедиться — чертовщины в мире после Начала изрядно прибавилось.

Банька была пуста — чего и следовало ожидать. В свете фонаря мелькнули черные полати, печь, иссохшие прутья березовых веников на стенах. В предбаннике, в углу, обнаружилась железная бадья с проржавелым дном, под лавкой — стеклянная пивная бутылка, — и ни единого следа присутствия не только человека, но и какой-либо другой живности. Ну а раз так — нечего больше тут делать. Еще раз оглядевшись, Данил выбрался наружу. Прошелся по огороду, сделал крюк, обойдя покачивающийся на легком ветерке о дуван в самом центре, и вышел на улицу.

Улица на всем протяжении была пуста — Санька с Лехой, вероятно, решили ревностно подойти к проверке и обшаривали сейчас какой-нибудь сараюшко. Данил медленно двинулся вдоль домишек, стараясь не запутаться в бурьяне, достигающем иногда середины груди и тщательно освещая не только домишки, но и дорогу впереди, — семечко о дувана, попавшая по недосмотру на одежду, оставляла довольно призрачный шанс на выживание. Миновал один дом, другой, третий — а в палисаднике четвертого вдруг увидел небольшое пятно очищенной от бурьяна земли с аккуратными рядками грядок и тропку до крыльца. Да и сам дом был каким-то ухоженным и производил более благоприятное впечатление, чем соседние, — крестов из досок на окнах нет, дверь тоже не заколочена, дымок из трубы и даже почти все стекла целы. И — теплые отблески света в окошках, такие, какие может давать только живой огонь.

— Саня, прием, — пробормотал Данил в микрофон. — Вы где?

— На противоположном краю, как и велел, — тут же отозвался товарищ. — Две баньки обшарили, дома заколочены. Пока чисто.

— Жилой дом для меня оставили?

В наушнике послышалось озадаченное сопение.

— Какой еще дом? — спустя несколько мгновений осторожно поинтересовался Сашка. — Ничего такого не видели...

— Ладно, отбой. Продолжайте. Сходимся в середине, — ответил Данил, разрывая связь. Пробормотал под нос: — Ротозеи...

Закинул «винторез» за спину, вытащил «Пернач». Примкнул приклад, взял наизготовку, прижав тыльник приклада к плечу. Чем в ближнем бою неудобна ВСС, так это тем, что торчащая оптика ухудшает обзор и затрудняет прицеливание. «Ласточкин хвост» это, конечно, не натовская планка Пикатинни, на которую, установив оптику, полностью загораживаешь механический прицел, — но тоже целиться не больно комфортно. Да и резкое перемещение ствола тем удобнее и быстрее, чем он короче. «Пернач» в этом смысле идеален — и приклад есть, и очередями может палить, и ствол по сравнению с винтовкой всего ничего.

Крыльцо поскрипывало. Данил поднялся, подсвечивая фонариком и ненадолго замирая

на каждой ступени, прислушиваясь и пытаясь уловить хозяйственные шумы в доме. Тишина. Постучал, торкнулся — дверь, длинно заскрипев, отворилась. Из сеней пахло теплом и запахом пищи. Добрынин вошел, осматриваясь. Длинная лавка вдоль левой стены, под лавкой — два ведра с водой. На правой стене — ряд вколоченных в бревна гвоздей, на которых висят разнообразные, так нужные в хозяйстве предметы — пустые ведра, веревки, два серпа, ножи от косы, хомут с вожжами... Напротив двери — приставная лестница на чердак.

— Хозяева есть?! — подал голос Данил.

Тишина. Слышно только, как угли в печи потрескивает да вода где-то капает.

Миновав сени, заглянул в горницу. Так же безлюдно, но видно, что хозяева отлучились только что — посреди комнаты на столе, сколоченном из грубых неошкуренных досок, исходит паром чугунок, рядом деревянная ложка и миска, блюдо с огурцами, железная кружка... Осторожно ступая, Данил прошелся по горнице, заглянул за печку, занимающую чуть ли не треть избы — пусто. На печи тоже никого не обнаружилось, хотя в изобилии лежало различное тряпье, шубняки и несколько пуховых шалей. Хотел было в подпол лезть, но тут на чердаке внезапно скрипнуло, послышались шарканье, кряхтенье, кашель — и на верхнюю перекладину лестницы в сенях опустились ноги в валенках.

— Ктой тута?.. — раздался дребезжащий старческий голос.

— Слезай, дедуль, — ответил Данил, отнимая приклад и засовывая пистолет в кобуру. — Не бойся, не обижу.

Пока дед сползал по лестнице да ковылял, опираясь на клюку, до стола, Данил огляделся еще раз, присматриваясь к убогости окружающей обстановки. Посреди избы — стол с двумя лавками. В переднем углу иконостас с потемневшими от времени иконами. Кровати нет — дед, похоже, спал на печи, не зря ж там тряпок навалено. Вон, кстати, и деревянная лесенка приставная. Еще рядом с печкой обнаружили полки с целой батареей чугунков и двумя ухватами, рукомойник, а под окном — здоровенный сундук с амбарным замком. Все старое, дряхлое, подвязанное веревочками и проволокой, подбитое гвоздиками... Даже ситцевые шторы на окнах — со штопкой. Под стать своему жилищу был и дед — до того стар, что, казалось, в чем только душа держится? На дворе начало лета, температура даже вечером за тридцать — а он в валенках, в телогрее меховом, в шапке-ушанке. Да еще и огонь в печи горит... Лицо сплошь в мелких морщинках, подслеповатые слезящиеся глаза, борода, торчащая клоками в разные стороны, дряблая кожа, покрытая пятнами пигментации...

Дедка доскрипел до скамьи, сел осторожно, поставил клюшку между ног. Оперся об изогнутую рукоять руками, положил сверху подбородок — и только после этого, наконец, обратил свой взор на гостя.

— Ну, мил человек, кем будешь? Каким ветром в наши края?

— Мимо едем, дедуль, с караваном. У дороги остановились... — ответил Данил, присаживаясь на край лавки. — Ты мне расскажи лучше, как ты тут выжил-то?

— Дак и... скрыпим поманеньку. Огородик, вон, по весне сажаю, по грибы хожу, рыбка опять же — тут озерцо недалеко... Мне много ль надоть?

— Ну, летом ладно, тепло. А зимой как?

— Печка, родимая, спасает. Я дровишек за лето наколю — и хватает... Раньше в лес-то с бабкой по дровишки ходили, а теперь вот, вишь, силов не осталось... Я уж сараюшки, помолясь, разбираю. На кой они теперь...

— Один в деревне?

— Один... — вздохнул дед. — Бабка-то моя померла уж года как два тому... Хорошо — силы еще были, схоронил. Теперь бы уж и не смог.

— А остальные?

— Дак молодежь до Страшного Суда еще в город подалась, а старики повымерли потихоньку...

— А что же молодежь родителей с собой не забрала? — поинтересовался Данил.

— И-и-и... сынок! — отмахнулся старик. — Кто ж из стариков с насиженного места уедет? Нам дай помереть там, где всю жизнь прожили — и то ладно... Главное — приезжали бы дети проведать. По хозяйству помочь, поправить кой чего — нам больше и не надо! А в город, в суету — не те года...

— Тебе, может, надо чего, дедуль? — озаботился Данил. — Мы проездом, завтра утром тронемся. Тебе, может, тушенки принести или сгужи? Могу шоколада подкинуть немного...

Но дед с такой энергией замахал руками, что Данил сразу поверил, что ему и впрямь ничего не нужно.

— Какая тушенка, шоколад... Брюхо уж не то, чтоб такие кушанья лопать. А со сгущенки меня всегда пучит... Ничего не надоть, предложил — и на том спасибо! Ты не беспокойся, сынок. Я, вот, на старости-то лет, лицо человечье увидел — и то хорошо. Ить последний раз тута года три тому проезжали... Живу, как бирюк, одичал совсем, не знаю, что в стране творится... Ты вот что мне скажи — не поднялась еще Расея-то, после Страшного Суда?

Данил горько усмехнулся, молча поглядел старику в глаза. Тот опустил голову.

— Понял, не говори...

— Ничего, дедуль, поднимемся еще. Не сомневайся.

— А я и не сумлеваюсь, — легко согласился дед. — Сколько раз падали, сколько раз поднимались... Гитлеру хребет переломили — и в этот раз выдюжим. Авось, Бог не оставит...

— Зверье не досаждают?

— Да зверья того... мыши одни, — отмахнулся дед. — Нормального зайчика-кабанчика уж годков пятнадцать не видать. А от страхолюдов я в подполе спасаюсь. Подпол у меня большой, люк крепкий, дубовый, да засов изнутри. И припасы там же, год живи — не подьешь. Лежанка, опять же, буржуйка, дровишки...

— Значит, все же заглядывают, мутанты-то?

— Да... нутанты... — с трудом повторил дед незнакомое слово. — Страхолюды, одно слово. Иной раз забежит на огород: собака — не собака, волк — не волк... Я ужо в подпол сразу лезу... А разок — зимой — глядь в оконце — и не пойдем с бабкой, кто: человек ли, страхолюд... Опять прятались. Он ломился-ломился — ушел. Мы трое суток в подполе сидели, боялись вылезть.

— Ружье тебе надо.

— И-и-и, сынок... Разве ж я ружье-то удержу теперь? А стрельну — так и вовсе улечу кверх тормашками, — беззубо улыбнулся дед. — Года мои ужо не те...

Посидели, помолчали. Дед вдруг вскипешнулся, красноречивым жестом ткнул пальцем в чугунок, посмотрел вопросительно на Добрынина — тот мотнул головой, отказываясь.

— Тогда, можа?.. — дед заговорщицким жестом щелкнул пальцем себе по горлу. — На смородинке! Сам делал! Не обидь!

— Да нет, дедуль, не пью. Пойду я, пожалуй... Ты говори, если нужно чего.

— Да чего мне... я уж как-нибудь... Одна печаль: помру — кто похоронит? — вздохнул дед.

Данил поднялся, развел руками.

— Тут уж, дедуль, ничем помочь не могу. Не знаю, буду ли когда еще тут проходить, не буду ли... Буду — забегу, гляну, как ты тут, а нет — уж не обессудь.

Из сеней помахал сидящему на лавке деду, вышел на крыльцо, прикрыл осторожно дверь. По тропке пошел мимо огородика...

— А Сашку-то слушай, — раздалось в спину. — Друг у тебя чуйный...

Откуда б деду знать?! Данил резко развернулся — на крыльце было пусто. Дом стоял на том же месте... но какой?!.. Просевшая крыша, разваливающаяся труба... Окна, минуту назад плескавшиеся уютом живого огня, — черны, стекла разбиты, поскрипывают створки на ветру... От завалинки одно воспоминание, и ступени на крыльце сгнили через одну... Огородика нет и в помине, один лишь бурьян по грудь да пара о дуванов качается. Данила пробил ледяной озноб. Понимая, что встретился с очередной ненормальностью, он попятился было от избушки прочь — да вдруг остановился. «Помру — кто похоронит?» — словно живые, прозвучали в голове слова старика. Постояв немного, он развернулся и сквозь бурьян начал продираться обратно к избе.

Скелет в истлевшем тряпье и валенках он нашел в сенях. Рядом валялись опрокинутые ведра. Видимо, старик собирался за водой — да так и не дошел. А может, наоборот, нес полные, плеснул на пол, поскользнулся, упал — а подняться уже не смог. Разве узнаешь теперь? Да и неважно это — другое важно. Данил, обходя дом по периметру и подкладывая под каждый угол по горящему клоку пакли, думал о том, сколько еще таких вот стариков доживает свой век на бескрайних просторах страны... В ветхости, в забвении. Надрываются, стаскивая по осени в подпол урожай с маленького огородика, мерзнут зимой на своих печурках, слушая вой вьюги за окном или, выбиваясь из сил, тянут вязанку хвороста из леса, ведра с водой от колодца... Трясутся от страха, с кряхтением сползая в подпол каждый раз, когда на дворе покажется очередной «страхолюд»... И — умирают. От голода и холода, от болезней. От когтей и зубов мутантов. От того, что никому больше не нужны. От старости, дряхлости. От убожества. От одиночества...

...Когда к огромному погребальному костру подбежали Сашка со Шреком, Данил стоял среди бурьяна и молча смотрел на дело своих рук. Дом пылал.

— Ты что — ошалел? — изумленно заглядывая в глаза товарищу, спросил Санька. — Зачем поджег? И где ты тут жилой дом видел?

Данил молчал. Огонь с утробным ревом пожирал иссохшее дерево, стреляя во все стороны угольями. Взметая снопы искр, рушились перегоревшие балки крыши, лопались остатки стекол, трещал шифер. Прогорели и ухнули внутрь брусья перекрытий, с шумом сложилась пристройка, раскатив пылающие бревна по двору, от которых сразу же занялся убогий сараюшко. Не земле — так хоть огню предать старика. Чтобы с дымом душа его поднялась к небу, перестав мучить и себя и окружающих странными и страшными видениями.

В тот вечер, выслушивая от Хасана десятиминутную лекцию о последствиях демаскировки — костер получился не слабый и наверняка виден был за многие километры, — Данил на все вопросы только пожимал плечами. Сказал только:

— Так было надо, — и больше не проронил ни слова.

А что сказать? Правду? О чем? Что это было? Видение? Знамение? Снова гипноз? Или он просто заснул и видел сон? Рассказал только Сашке, но друг понял, а остальных это не касается.

Демаскировка — демаскировкой, да вот только... каждый человек, кроме разве что самого закоренелого убийцы и отморозка, достоин того, чтобы его проводили в последний путь. Пусть не по христианским правилам, не отпев, а хотя бы так, огненным погребением, по-язычески. И тем более заслуживал этот умерший в одиночестве старик.

Потому что страшно умирать, когда рядом никого. Никого, кто бы присел около постели, взял за руку, утешил... кто проводил бы в последний путь, прочитал молитву над усопшим и предал останки земле или огню. Никого... Только мертвая тишина старого дома, скрип ставень на ветру, вой ветра в трубе и предсмертный хрип одинокого, заброшенного всеми умирающего старика.

Глава 3

Сказки апокалипсиса

Человека в сером ОЗК, неторопливо бредущего по обочине дороги, разведка засекала сразу Колонна шла по извилистой насыпи, зажатой с обеих сторон лесом с высоченными соснами, — было это уже где-то за Яранском — и вот, вывернув из очередного поворота, дозорный на передовом квадроцикле тут же заметил серую точку далеко впереди. Короткий доклад по общему каналу, приказ — и оба передовых квадра рванули вперед, догоняя путника. Тот, впрочем, и не скрывался, не пытался уйти. Заслышав рев моторов, он обернулся и, помахав рукой, остановился, поджидая пробирающуюся к нему по ухабам и кочкам разведку.

Данил в этот момент сидел в кабине вместе с Урюком — Хасан, по одному ему известной причине, приказал в тот день усилить наблюдение — и потому встречу эту видел с самого начала. Квадры осторожно подошли, остановились неподалеку, страхуя один другого. Видно было, как бойцы и фигура в сером переговариваются. Затем один из бойцов остался на насыпи, а второй съехал в лес и исчез среди сосен.

Не было его минут десять. Колонна за это время продвинулась метров на триста и встала, поджидая результаты разведки. В бинокль Данил видел, что человек в ОЗК стоит спокойно, головой не вертит и признаков беспокойства не подает. Говорит что-то, руками машет... Противогаз его висел заткнутым за пояс — фон на местности уже второй день не превышал четверти рентгена — и Данил в бинокль сумел разглядеть благообразную седую бородку и седой же аккуратный ежик волос на голове. Из-за плеча человека торчал ствол какого-то оружия — детали с такого расстояния были не видны — и когда путник пару раз повернулся боком, за спиной мелькнула пятнистая ткань рюкзака.

Послышался рев, и на насыпь выметнулся квадроцикл. Встал, видимо, докладывая по командирскому каналу результаты. Похоже, Хасана они удовлетворили — колонна тронулась, и через несколько минут БТР, идущий в голове, поравнявшись с путником, остановился. Данил, оставив Ахмеда в кабине, выбрался наружу — знакомиться.

Человек отрекомендовался Ивашуровым Игорем Антоновичем и, по его собственным словам, был он... собирателем сказок. Просил Игорь Антонович немного — проехать с колонной дальше на север, километров сто — сто пятьдесят.

— Мне много не надо, — уверял он внимательно глядящего на него Хасана. — Подвезете чуть — и то хорошо. А то ведь далече топать еще, а ноги не казенные. Да и возраст... А километров через полтора ста деревенька будет, я как раз туда и направляюсь. Торг там вчера начался, вот и спешу. Поиздержался малость за этот год, у них-то патронов и прикуплю. Да и нож новый нужен, комбез, сапоги скоро каши запросят... Люди там хорошие, я у них не единожды уже гостевал. Можно и на постой остановиться.

— Я слышал о вас, — сказал майор. — Это ведь вы известны как Сказочник?

Ивашуров кивнул.

— Мне говорили, что слов на ветер вы не бросаете, — продолжал майор, пытливо глядя на любопытного человека. — И эти слова я слышал от тех людей, не доверять которым оснований у меня нет.

Сказочник усмехнулся:

— Я и не думал, что стал так широко известен... Десять долгих лет по земле хожу, где только не был, и везде добрую память старался о себе оставлять. Может, потому и помнят?

— Делай добро людям — и оно вернется к тебе, — отозвался Хасан. — С удовольствием вас подбросим. Добрыня, проводи гостя в кунг. С тобой поедет, потеснитесь немного.

— Сделаем, — Данил улыбнулся. — И даже кашей накормим — если сказку расскажет. Ивашуров, повернувшись, внимательно посмотрел на него.

— А мы с вами, молодой человек, не встречались, кстати? Уж больно лицо ваше мне знакомо...

Добрынин развел руками:

— Не припомню что-то. В Сердобске бывать не доводилось? Может, с караванами проходили?

Брови Ивашурова поползли вверх от удивления:

— Как же, как же... Известный городок! В определенных кругах, конечно... Да вот только не бывал я там лет уже как двадцать с гаком... Так, значит, и там люди выжили? Вот не думал...

— Чем же так знаменит? — заинтересовался Данил. — Маленький городок, провинция...

Игорь Антонович враз посерьезнел:

— Давно это было, молодой человек... Давно — и грузом прошедших лет похоронено. Ни к чему прошлое ворошить...

Повисла неловкая пауза — Данил, похоже, сам того не зная, наступил человеку на большую мозоль.

— Так когда, говорите, деревушка-то будет? — поспешил нарушить паузу Хасан.

— Да тут километров полтораста, может, чуть больше. К вечеру доедем.

— По такой-то дороге?

— Скоро озеро, а от него до Юрьева тракт начинается — рыбаки по нему ездят. Озерцо чистое, без заразы, и рыбы в нем развелось видимо-невидимо. Так что оттуда уже быстро доберемся.

— А вот за эту новость спасибо, — поблагодарил его майор. — Надоело уже ехать — по стиральной доске трястись.

Игорь Антонович Ивашуров и впрямь оказался собирателем сказок. Не первый год бродил он по земле, поднимался аж до Ухты и Архангельска, спускался до Саратова и занимался только одним — собирал и записывал разнообразные леденящие душу истории, сказки, легенды и были, коих у него накопилось уже три толстых тетради исписанных мелким убористым почерком.

— У меня, друзья мои, вообще-то, двойное образование. Вернее, как бы это... полуторное, — рассказывал он, сидя за столом в кунге и уминая за обе щеки холодную кашу с тушенкой. — Сначала я на филологическое поступал. Проучился четыре года и только потом понял, что не мое. Бросил. Хорошо, от армии освобождение было. Помотался год грузчиком да разнорабочим — и в физику ударился... И уж на этом поприще я себя проявил, да... Я, к вашему сведению, ученое звание имею — профессор.

— Почему же вы вдруг сказки решили собирать? — поинтересовался Данил. — Из физиков — да в лирики подались? В смысле — в гуманитарии.

Игорь Антонович печально улыбнулся:

— Да как-то, знаете... Мы с женой тогда деревеньке под Самарой жили. Условия так себе, еды не хватало, лекарств тоже... Ну и... умерла она, в общем, Света моя... Я совсем уж было цель в жизни потерял. Пить стал, себя совсем забросил... А потом как-то встаю поутру, глянул в зеркало — и такая морда на меня оттуда смотрит... синюшняя, набрякшая — быдло быдлом. Понял я, что еще полгода-год — и совсем загнусь. А тут припомнилось как-то, как в студенческие годы, бывало, на Кавказ ездили, фольклор местный записывать. Ну и решил вот... климат сменить, обстановку, развеяться... Брожу по деревенькам, строчу потихоньку. Решил — как тысячу историй соберу, так найду где-нибудь технику копировальную и отпечатаю. Или перепишу начисто, по старинке. И озаглавлю — «Сказки Апокалипсиса»!

— И зачем вам это? — спросил Семеныч, доброжелательно поглядывая на Ивашурова, видимо, учуяв в нем родственную профессорскую душу.

— Как же?! Надо хоть какие-то культурные знания сохранять, не говоря уж о приумножении! Потомки должны знать, что в Темные времена на земле творилось!

— Вы так уверены, что они будут, потомки? А если и будут — думаете, им будет интересно?

— Обязательно будут! — без тени сомнения отозвался Сказочник. — Я придерживаюсь того мнения, что этот... мнэ... откат к средневековью — явление временное. Человечество всенепременно вернется к вершинам! И вот тогда-то ученым-историкам и пригодится мой скромный труд!

— Вашими бы устами... — пробормотал Кубович, сидящий рядом с Ивашуровым. — И много записали уже?

— Больше шести сотен, — скромно ответил Игорь Антонович, но глаза его сияли. Было видно, что сборник — его гордость. — И, заметьте, — ни одной повторяющейся или похожей. Я, знаете ли, делю материал на три категории. Первая — это сказки. Так я называю недостоверные истории, которые произошли с кем-то где-то когда-то и рассказчик слышал о них от внучатой племянницы двоюродной бабушки. Вторая — это те истории, которые произошли непосредственно с самим рассказчиком и были записаны с его слов. Таких, конечно, мало, но попадаются среди них и впрямь несколько жутковатых.

— Ну а третья?

— А третья... — Сказочник замялся было, но продолжал, — в третью категорию я решил записывать случаи, которые произошли лично со мной. Но, увы — за все десять лет странствий ничего сверхъестественного мне так и не повстречалось. Боюсь, эта категория так и останется неоткрытой... Я даже уже начинаю подозревать — не выдумываются ли эти истории долгими зимними вечерами, только лишь для того, чтобы пощекотать друг дружке нервы...

— Могу вас уверить, что это не так, — сказал Данил. — Давайте меняться? Вы расскажете что-нибудь интересное, а потом запишите пару историй, правдивость которых я вам гарантирую.

— Вот все так и говорят, — кивнул, ухмыляясь, Ивашуров. — Хотя — почему бы и нет?

— Тогда объявляю фестиваль сказок открытым, — откидываясь на полку, заявил Семеныч.

Остальные согласно загудели — послушать байку-страшилку всегда интересно, особенно в пути, когда от безделья порой на стену хочется лезть.

— Сказки я вам рассказывать не буду, — вытаскивая из рюкзака на свет объемистую тетрадь и водружая на нос очки, начал Игорь Антонович. — Расскажу историю, которую я

слышал от человека, правдивость которого не вызывает у меня никаких сомнений.

— Такие истории на ночь хорошо слушать, — заметил Данил со своей полки. — Жути больше.

— Не огорчайтесь, вечером у нас, вполне возможно, еще будут истории, — пообещал Иващуров. — А пока... слышали вы о Грибнике? — спросил он, и его голос вдруг неуловимо изменился, потек плавно, обволакивая, словно стараясь затянуть слушателей внутрь повествования. — Случилось это в одной из деревень, расположенной в восточной части Архангельской области. Места там глухие, тайга сплошь на сотни километров, и по ней селеньица мелкие, заимки разбросаны, избы одиночные да стоянки геологов. Потому люди там живут не то что совсем уж дремучие, но суеверия пышным цветом цветут... И вот в одной из тех деревушек — назовем ее, скажем, Выжгора — история эта и случилась.

Жил в этой деревушке мужичок. На отшибе жил, на хуторе, можно сказать, километрах в трех от деревни. Был он пришлым, с людьми мало общался, и потому никто и знать не знал, откуда он появился. Ходили, правда, слухи, что связан он с военным объектом, который неподалеку от селения располагался, — прежде него в деревню несколько вояк с большими звездами наведались, купили у прежних хозяев хутор со всеми потрохами, а затем уж и мужика того привезли.

Жил он один, никого у него не было, в деревеньку редко заживал, разве что только в магазин местный за продуктами да по хозяйственной надобности. Гораздо чаще его в лесу встречали, особенно осенью, в грибной сезон. Любил он, видимо, в одиночку по лесу бродить да грибочки собирать. За эту его особенность его Грибником-то и прозвали. Скотины он не держал, чем жил, откуда деньги брал, — непонятно. Приезжала, правда, к нему пару раз в год женщина на огромной такой, черной машине — до Удара это еще было, дороги тогда еще чинили да строили кой-как даже в той северной глуши. Вполне возможно, что и припасы ему привозила — в машину ту эх и много вмещалось, должно быть. Ну а как Ударило — так и она перестала навещать.

Надо сказать, для Выжгоры этой после Удара мало что изменилось. Разве что пенсию перестали с почты носить да телевизоры, радио и телефоны умолкли. Все по-прежнему осталось — хозяйство свое, огород, скотинка. Мясо-молоко-яйца по двору бегают — а что еще человеку нужно? Конечно, поняли люди, что изменился мир, и не к лучшему изменился. Хватило и на то соображалки, чтоб понять, что вместе теперь надо держаться, а не отдельным хозяйством. Собрались селяне одним днем и решили общим гуртом теперь выживать. Мужика того, Грибника, приглашать не стали — был он нелюдим, а сплетни по округе о таких людях всегда ползают, причем нередко самые таинственные и жуткие. Вот и о мужичке слухи ходили. На руку тут все сыграло — и нелюдность, и связи с военными, и вообще ореол таинственности, что его окружал... Обсудили на собрании да решили, что они — сами по себе, а он пусть сам по себе. Как ни увещевал председатель — дескать, ни полюдски это, да только никто его не послушал. Люди, порой, удивительно жестоки бывают, особенно в том, что касается собственной шкуры... — Сказочник замолчал, будто припоминая что-то, и вздохнул. — Тут надо сказать, что историю эту мне сам председатель и рассказал, — продолжил он. — Был он мужик серьезный, шутить не любил и байками тоже не увлекался. Я его давненько знал, потому как частенько раньше по тем местам бродил. Был он на десять лет меня старше, я все больше Сергеичем его называл, чаще по отчеству, чем по имени...

— Был, знал, называл... — заметил Данил. — Все в прошедшем времени... Есть тому

причины?

Игорь Антонович кивнул, и словно судорога прошла по его лицу.

— Рассказ его я давным-давно записал, да только после того в те края больше и не заезжал. И тогда уже, когда в последний раз у него побывал, народу в селении почти не оставалось, а теперь, наверно, и подавно... Я тогда даже ночевать не остался — выслушал и рванул оттуда без оглядки. Не посмотрел что ночь, да и дождь еще начал — поздней осенью это было — бежал километров двадцать, не останавливаясь... — Ивашуров примолк на мгновение, собираясь с мыслями. — Сергеич, доложу я вам, человеком был совестливым и понимал, что решением своим люди Грибника фактически на смерть обрекли. Ну, протянет он год-другой на своих запасах — но потом-то что делать? И поэтому стал он внучку свою на хутор иногда посылать. С посылками. То хлеба несколько караваев отошлет, то мяса килограммов пять, то яиц лукошко. Грибник с благодарностью все это принимал и взамен частенько грибами отдаривался. Причем ни каких-то там замухрышек, а самых что ни на есть отборных, толстенных, крепеньких, ни разу не червивых. То свежих пришлет, а то и сушеных целую связку — внучка говорила, что грибов этих у него полон сарай сушился.

Словом, таким вот образом этот обмен посылками шел у них года два, если не больше. К тому времени знал уже Грибник, что люди в Выжгоре одним хозяйством живут. И о том, что его принимать не желают, тоже знал, — Дарья, Сергеича внучка, рассказала. Обижался, понятно. Ничего ведь плохого он не сделал, с округой в мире жил и того, чтоб вот так с ним обошлись, не заслужил, честное слово. Только с Сергеичем у него все нормально складывалось. Дарья обычно раз в неделю к нему ходила: отнесет посылку, передаст, Грибник поблагодарит, лукошко с грибами, загодя приготовленное, взамен вынесет, проводит и обязательно накажет, чтоб все грибы до единого они с дедом съели — больше-то и не было у них никого, вдвоем Сергеич с внучкой жил.

И вот как-то раз приходит она к домику Грибника — а дверь заперта. Странно ей это показалось — никогда такого не было, к ее приходу всегда все настежь... Стучится Дарья — а ей Грибник из-за двери и говорит: оставь, говорит, посылку на крыльце, а под крыльцом корзинку с грибами возьми. И обязательно, говорит, обязательно эти грибы съешьте. Я, говорит, приболел малость, открывать тебе не стану, чтоб ты заразой не надышалась. Ты там деду привет передавай и скажи, чтоб не волновался, жду на следующей неделе, как обычно. А грибы — еще раз говорит — съешьте обязательно.

Ну, Дарье как сказано было — так она и поступила. Ничего необычного в том, что Грибник так настойчиво грибами их своими потчует, она не усмотрела — он и раньше всегда частенько по два-три раза этот наказ повторял. Посылку она оставила, взяла корзинку, спросила — не надо ли из лекарств чего? Грибник ее уверил, что все у него в порядке, простыл только малость. На том и разошлись. Дарья, конечно, деду все рассказала, но Сергеич все же обеспокоился и на следующий же день отправил ее назад на хутор. Медком нагрузил, травками кой-какими от простуды, таблетками, какие остались...

Дарья уже издали заметила, что дверь избы опять, как всегда, нараспашку. Успокоилась — значит, нормально все, выздоровел Грибник, и теперь снова все по-старому пойдет. Зашла в сени, посылку на лавку поставила — и напрямик в горницу. Ей бы, дуре, крикнуть сначала, обозначиться, что пришла, голос подать — может, и по сию пору деревенька жива была бы... — Сказочник вздохнул, — да вот не додумалась, наверно...

— Грибник оказался злым мутантом? — ухмыльнувшись, перебил его Кубович. — И прямо там ее и сожрал...

— Да тихо ты, Кубыч, не лезь, дай человек доскажет, — одернул его Профессор. — Дальше-то что, Антоныч?

— Домик, надо сказать, у Грибника небольшой был, — понизив голос, продолжал рассказ Ивашуров. — Всего-то и состоял он из горницы да кухоньки. И из сеней одна дверь в горницу вела, а вторая — в кухоньку аккуратно. Заходит, значит, Дарья в горницу... Обстановка простая — стол, диван, сервант с фотографиями, на которых Грибник в военной форме изображен. Комод в дальнем углу. И — никого. Но только слышит она вдруг, что из кухоньки бормотания какие-то раздаются и звуки такие, будто плачет кто-то... Вернулась она в сени, подошла к двери на кухню, открывает — Грибник. Сидит он к ней спиной на табурете, бритвой по щекам водит и как-то так... *поскуливает*, будто бы больно ему бриться. Дарья возьми, да и спроси, дескать — дяденька Грибник, у вас все нормально? И в тот же момент, когда она вопрос этот задала, смотрит она на пол — а волосы, которые Грибник уже сбрил, на полу *извиваются*... Да и не волосы это вовсе, а какие-то толстенькие черные отростки, словно щупальца меленькие... И тут же Грибник с табурета вскакивает, оборачивается и видит она, что щупальца эти мелкие все лицо его покрывают и под воротник рубахи спускаются. И видно, что даже и под рубахой они по всему телу растут, потому что ткань рубахи, как живой ковер, шевелится, волнами ходит, будто ползает там кто!.. А там, где Грибник эти щупальца со щек сбрил, — там из мелких отверстий в коже желтый гной сочится с кровью вперемешку, и снова тонкие кончики этих щупалец торчат... — Игорь Антонович замолк, оглядывая слушателей и любясь произведенным впечатлением.

— Что за мерзость? — первым нарушил молчание Кубович. — Болезнь, что ли, какая?

— Кто ж знает? — пожал плечами Ивашуров. — После Удара какой только дряни в мире не прибавилось. Но я все же склоняюсь к тому мнению, что это все военные в своей лаборатории постарались. Грибник — он же с ними как-то связан был. Может, и в экспериментах участвовал — вот и аукнулось...

— А дальше что было? Или все на этом? — спросил Ван.

— Да какой там... Для Выжгоры все еще только-только начиналось, — ответил Игорь Антонович. — Дарья и не помнила, как до дома добралась. Обычно-то у нее на дорогу полчаса уходило, а тут за десять минут примчалась. Нашла деда да все ему как на духу и рассказала. Сергеич, понятное дело, всполошился — ну а кто в такой ситуации спокоен останется? И тут он, я так считаю, сглупил. Ему бы обдумать все, проникнуться и сидеть молча в тряпочку, а то и свалить оттуда потихоньку — жизнь-то дороже. А он — сходку срочно собрал и все как есть рассказал, — Ивашуров горестно вздохнул, осуждающе покачал головой. — Ох и трусливы люди бывают в своем невежестве да тупости, — помолчав немного, медленно заговорил он. — Взбеленился народ. Орут, руками машут. Морды красные, глаза выпучены, рты распялены... Ты, говорят, виноват. Ты этого Грибника прикармливал, внучка твоя припасы ему таскала, с рук на руки передавала, одним воздухом с ним дышала. Получается — заболеть тоже могла и на себе заразу по селу разнести. А если и не разнесла еще — то сама больна. Тут, орут, один выход — убить ее, пока не поздно, и тело сжечь. А тебя — в избе до поры запереть, чтоб видно было, болен ты или нет. Сергеич видит — плохо дело. Пробовал успокаивать людей — куда там... Рышнулся он было из клуба, Дарью предупредить, чтобы в лес бежала — да не тут-то было. Связали его и в избу отволокли. Рвался он, рвался — да разве освободишься? Уж и плакал и умолял — бесполезно. И потом, лежа на полу в сенях, куда его в спешке бросили, слышал он несколько выстрелов на другом конце села и понял, кому эти выстрелы предназначались...

К Грибнику никто не пошел — понадеялись, что и без них сдохнет. Но он пришел сам. Жутко ему, наверное, было в одиночестве сидеть, самому себя бояться. И то сказать — как представлю я, что один в глуши сижу, и вдруг из меня начинается этакая дрянь лезть — не по себе становится... — поежился Сказочник. — И жутко, и неизвестно, что дальше ждать, и насколько далеко все это пойдет, во что я превращусь в конечном итоге. Тут уж лучше ружье брать и пальцем ноги на курок жать... — он умолк, словно представляя себе всю эту картину, и Данилу, глядя на него, тоже стало не по себе.

И впрямь. Сидишь один, как сыч, помощи ждать неоткуда, впереди — только неизвестность... И постепенно обрастаешь, *превращаешься*... Его передернуло от отвращения. Лучше уж пулю в голову, чем мерзость такая.

— Грибник пришел через месяц, — помолчав немного, вновь заговорил Ивашуров. — Встретили его у околицы, ружья наставили и велели назад уматывать. Зрелище и впрямь было тошнотворное. К тому времени щупальца эти на целую ладонь отросли и, извиваясь, во все стороны торчали. Сергеич, которого тогда уже освободили, говорил, что некоторые из мужиков портки намочили, да и сам он чуть было не обделался. Стоит на дороге эдакая... копна, и поверхность ее вся сплошь шевелится, извивается, в кольца сворачивается, волнами ходит... И от того, что это вот существо еще совсем недавно было обычным человеком, с которым ты, бывало, при встречах словом перекидывался и за руку здоровался, — от осознания этого до самых кишок ужасом пробирало.

— Пристрелить надо было, и всего делов, — проворчал Кубович. — Или сваливать оттуда к чертовой матери, да побыстрей. Известно же — если дрянь какая заведется, то уж не вытравишь...

— Легко тебе говорить, — покосился на Кубовича Счетчик. — С насиженного места сниматься... И куда идти? А пристрелить — как бы хуже не стало. Неизвестно ведь, с чем дело имеют?..

— Вот и Сергеич так же мне сказал, — подтвердил Сказочник. — Он хоть обиду на соседей и затаил, да что ж сделаешь, если общество так присудило? В деревеньках, в глуши, когда кругом на сотни километров тайга и такие же деревушки, — оно так. Каждый человек от соседа зависит, а еще больше — от общества. И если идти больше некуда и не к кому — любое общественное решение примешь и смиришься. А куда было идти ему?

— А что этому Грибнику понадобилось? — спросил Семеныч. — Зачем пришел?

— Хлеба, — просто ответил Ивашуров. — Жить-то ему чем было? Пока присылал Сергеич посылки — жил. Существовал, вернее. Худо, бедно, впроголодь... А как кончились передачи — так и зубы на полку. Своего — ничего, только грибы, да только долго ли на них протянешь?

Данил с Сашка переглянулись. Знакомая ситуация...

— Ну и что? Дали ему хлеба?

— Пока Сергеич дома под надзором валялся, селяне другого человека на его место поставили, — продолжил Сказочник. — А тот мужик, видать, не так добр был, как прежний председатель, да и глуп, если честно. Заорал он Грибнику в ответ, чтоб тот к себе убирался. Ничего, говорит, тебе тут не светит. Жри, говорит, свои грибы, у тебя их много должно быть, ты часто по лесу ползал.

Грибник постоял еще с полминуты, посмотрел на нового председателя, а потом и говорит — тихо так, спокойно, уверенно: «Грибы, значит? Ладно. Да только смотри, как бы ты сам ко мне через неделю за ними не приполз...» Развернулся да назад пошел. А всех, кто

этот его ответ слышал, до самой глубины души ужас пробрал.

Как сказал Грибник — так и случилось. Этот самый мужик первым в селе свалился. Слабость, голова трещит, ломота в костях. И уж как тело все чешется, — мочи нет. Чесать начинаешь — кожа расползается и из трещинок кончик щупальца торчит, а не чесать — так они сами кожу прорывают и дальше растут. Чем он только, бедолага, вывести их не пробовал — ничего не выходит. Срезал даже. Не больно совсем, кожа словно онемевшая — а из среза дрянь какая-то сочится и снова мелкий кончик этого самого щупальца лезет... Следом за мужиком, понятно, соседи той же дрянью покрылись... Поняли тогда, что беда в село пришла — да поздно. Кинулись на хутор к Грибнику — а на месте дома пепелище. И его самого след простыл...

Сказочник замолчал.

— Проучил, значит, — пробормотал в наступившей тишине Семеныч. — Правильно. Жлобство и дурость надо учить.

— И что, так вся деревня и... — подал голос Кубович.

— Не знаю, — пожал плечами Игорь Антонович. — Говорю же — я после того раза больше в Выжгору не совался. В тот день — как сейчас помню — я вечером пришел и пока по улице шагал к Сергеичеву дому, все удивлялся, куда это люди делись и почему половина домов заколочена стоит? Хотя еще год назад ни одной брошенной избы не было. А как он мне рассказал, что у них творится, — я даже на ночлег останавливаться не стал, тут же собрался. Но Сергеич — он был живехонек. И, видимо, не зря Грибник про грибочки свои талдычил. Потому что Сергеич — единственный, не считая Дарьи, кто грибки эти кушал. И заболеть бы ему этой дрянью одним из первых — так нет... Уберег, получается, его Грибник.

— Вполне возможно, что в этих самых грибах, что Грибник с таким упорством собирал, какое-то вещество содержалось, которое прогрессирование этой дряни замедляло, — высказал предположение Профессор. — А ведь в некоторых поселках их совсем для другого употребляют...

— Да кто ж теперь скажет, — развел руками Ивашуров. — Но факт — вот он: за год от деревни ничего не осталось. И это я своими глазами видел.

В кунге наступила тишина. Слышно было только, как взрывает двигатель да скрежещут шестерни в коробке, когда водитель втыкает очередную передачу. Каждый обдумывал услышанное, и каждый находил в нем что-то свое, что-то нужное по жизни только ему, что-то, что согласовывалось только с его мировоззрением. Данил не знал — да и не интересовался, что взяли из этой истории его спутники, но сам он по привитой ему с детства многолетней привычке вычленять мораль, в очередной раз понял, что дед был прав: если есть возможность сделать добро — сделай.

— Н-да-а-а... — нарушил затянувшееся молчание Профессор. — Мы вот как-то караван сопровождали на юга, и там в одном кишлаке в горах ночевали. Помнишь, Кубыч? Нас тогда еще в ущелье заперли и мы еле выбрались оттуда, полбригады потеряли.

— Помню, как же... — отозвался тот. Кивнул на кабину за стенкой, где ехал сейчас Ахмед. — Урюка тогда еще ранило, потом коновалы на базе чуть ногу не оттяпали.

— Ну да. И вот в этом селении я с одним местным мудрецом разговаривал, с шаманом ихним. Так он мне много наговорил тогда, а особенно подробно рассказал, откуда вся эта нечисть берется. По его теории выходило, что из-за ядерных ударов в пространстве дыры образовались, и с изнанки мира вся эта дрянь и лезет. Все, как он сказал, темные духи, демоны, монстры, чудовища — все оттуда. Мистика, конечно, но иногда вот так задумаешься

и... может — и впрямь прав он? Откуда-то все это берется?..

— Откуда берется? — задумчиво, глядя в одну точку, пробормотал Сказочник. — Да кто ж знает? Взять вот хоть мутантов — не всем из этих созданий можно выдать адекватное научное объяснение. Ладно — псы, это понятно, бродячих собак всегда плодилось черт те сколько. Ну ладно — выродки, их существование тоже вполне поддается объяснению. Человек, лишенный цивилизованного общества, возвращается к своему первобытному состоянию очень быстро, практически за одно поколение. Еще до Конца были известны случаи, когда человеческого ребенка выкармливала стая собак или волков — и человек деградировал, переставал быть человеком в нормальном, правильном понимании этого слова. Он уже не мог подняться до уровня хомо сапиенс, человека разумного. Основные навыки — они ведь в младенческом и детском возрасте закладываются. А тут, помимо первобытных условий, еще и сложнейшие условия для выживания да плюс радиация, которая их и перекроила. И мышечной массы у них прибавилось, и выносливость, и устойчивость к излучению повышенная — это еще объяснимо и допустимо. Или, к примеру, куропат — с ним я тоже кой-как соглашусь...

— Куропату плевать, согласитесь вы с ним или нет, — с ухмылкой вставил Кубович.

— ...он, кстати, поразительно похож на курицу, не находите? — не обращая внимания эту реплику, продолжал рассуждать Иващуров. — И бегает он тоже, дай Бог. Вполне ведь могло такое быть, что радиоактивное излучение так повлияло на гены кур, что началось неконтролируемое деление клеток и рост мышечной массы. Раньше ведь курей тоже на убой растили — это я бройлеров имею в виду — и замечательно растили, надо сказать... Но вот взять болванщика — это существо как могло появиться за столь короткое время?

— Что за болванщик? — спросил Данил.

— Ну как же... такой... гуманоид с большой головой, — Сказочник помахал руками вокруг макушки, пытаясь правдоподобно изобразить большеголового мутанта.

— А, так это вы про миксера...

Иващурова передернуло от омерзения:

— Тоже, кстати, подходящее название... Что это за бешенная эволюция такая, что за пару десятков лет конструирует неизвестное создание с еще более неизвестными особенностями мозга? Кстати, такие вот болванщики мне во многих местах попадались, с разными вариациями. Вот только называют их по-разному. Вы их миксерами зовете, а кто-то — кондукторами или менталами. И мне, знаете ли, интересно — это что же, новый вид животных? Но откуда?! Они-то из кого развились? Из Кашпировского? Из Копперфильда? Или из Чумака? Или у нас по стране так много телепатически одаренных граждан бродило, что они все враз в этих монстров мутировали?

— Вы думаете, что миксер ментальной энергией работает? — спросил Сашка. — А вот у нас в Убежище многие считают, что его оружие — ультразвук.

— Да неважно, — отмахнулся Сказочник. — Важно то, что для большинства мутантов аналогов нормальной земной фауны, из которых они могли бы развиваться, — не подобрать!

— Таких все-таки меньшинство, — заметил Данил, которого эти рассуждения заинтересовали. Было в них что-то... правдоподобное, что ли. Логичное.

— Ой ли? — удивился Иващуров. — Я их столько уже встречал на своем пути — в пору хоть сказки бросать и энциклопедию мутировавших организмов начинать. Хорошо — винтовка есть. Не подводит.

— Точно, точно, — подтвердил Семеныч. — Нам тоже на пути порой такое

встречалось...

— Почему же тогда у нас в городе мутантов лишь несколько видов? — спросил Сашка.

— Вот здесь-то загадка и кроется, — пожал плечами Иващуров. — Сказать по правде — меня это тоже всегда интересовало, поэтому версии есть. Мутанты определенного вида всегда почему-то концентрируются в определенной местности. Нет, бывает, конечно, и пересечение их ареалов обитания, — но достаточно редко. Вот у вас, к примеру, если мне память не изменяет, есть куропат. И концентрированно он только у вас под Пензой встречается, в других местах реже. А вот тот же миксер или собаки — этих я частенько встречал, причем нескольких разновидностей.

— А не встречали вы такого мутанта — на большую толстую кляксу похож? — спросил вдруг Санька и тут же поймал одобрителный взгляд Данила. — Или как будто бочонок черной тканью обернули. Высокий такой, метра два с половиной! Рот — огромный провал, глаза такие же... Не доводилось видеть?

— А вы знаете... припоминаю, — чуть подумав, кивнул Иващуров. — Сам не видел, но слышал о таком. Один-единственный раз слышал, от Зоолога. И судя по всему — существо это страшное... Но это лишь оболочка, и с тем, кто под ней скрывается, лучше не связываться. Я из него попытался побольше вытянуть — да куда там... Сказал только, что это с биологическим оружием связано. И если я правильно понял — именно при встрече с ним Зоолог ногу-то и потерял. Не совладал — а боец он, надо сказать, отменный.

— Зоолог? Что еще за персонаж? — удивился Ли.

— О-о-о! Это личность в своем роде легендарная! — улыбнулся Иващуров. — Такой же бродяга, как и я, да только не филолог, а натуралист-естествоиспытатель. Изучает, так сказать, новообразовавшиеся организмы в условиях их естественного обитания. Его где угодно можно встретить, даже на юге или по ту сторону Урала. Летом по земле бродит, а на зиму либо домой возвращается, либо в первом попавшемся поселке оседает. Ему везде рады. Этой осенью, кстати, к себе в гости приглашал. Не знаю... Может, и загляну на огонек...

— Как же он бродит-то, без ноги? — удивился Данил.

— Да вот так. Выточил себе деревяшку, приспособил — скачет получше нас с вами. Я серьезно говорю, — добавил он, видя, как недоверчиво усмехается Данил. — Вот у него-то уж энциклопедия собрана — о-го-го. Большущий фолиант! Кого там только нет. Сам видел! И у него, у Зоолога, информации-то я и поднабрался. А как иначе — нужно ведь знать, с чем в пути столкнешься... — он вдруг оборвал сам себя — и, хлопнув ладонью по лбу, уставился на Добрынина. — Так вот в чем дело! А я-то все гадаю — встречал, не встречал... Вы на него похожи — слов нет! И лицом, и сложением... Только он-то постарше, ему за тридцать немного, а вам, должно быть, чуть больше двадцати! Верно?

— Так и есть, — ошарашено пробормотал Данил. — Да только не знаю я никаких зоологов... И вообще двойников своих в жизни не встречал...

— Так вы сами-то из Сердобска?!.. Ну, точно, — хлопнув ладонью по столу, удовлетворенно кивнул Иващуров. — Зоолог — он из Пензы родом. Так что уж наверняка тут одна кровь намешана...

Данил сидел растерянный, не зная, как ему реагировать, — то ли верить, то ли в шутку принимать. Жил, жил — а тут нате вам, родственник объявился...

— А в Пензе что — выжившие, получается, есть? — спросил Сашка с любопытством.

— А как же... И там живут. Горстка, правда, осталась — а ведь когда-то большой город был...

— А мы мимо пролетели, не заглянули даже, — огорчился Ван, с любопытством поглядывая на командира. — Завернули бы. Глядишь, Дан, у тебя б там и впрямь родственники нашлись...

Данил пожал плечами. Дед вообще ничего такого никогда не говорил. Были у их семьи в Той еще жизни родственники, были... И в Ульяновске, и в Москве, и даже на Украине... Но про Пензу — молчал. А теперь уж и нет деда — как узнать?

— Вернемся после комбината — заглянем? — предложил Сашка. — Заодно и на Зоолога этого посмотрим...

— Заглянем Саня. Теперь-то уж обязательно заглянем, — пообещал Данил.

— А если вдруг с Росрезервом не получится — может, и вообще туда уйдем?

— Ха! Держи карман!.. — усмехнулся Кубович. — Кому нужна такая прорва народа? Чем кормить прикажете?

— Нет, Саня, нахлебниками не пойдем, — согласился с Серегой Данил. — У нас один только выход — Росрезерв.

Сашка кивнул, признавая правоту старшего товарища. А как же иначе? Времена нынче такие пошли. Выживает только тот, кто может доказать свое право — право на силу, право на жизнь. Только такого человека и уважают, только с таким и говорят на равных. А придешь нахлебником — живо в бараний рог согнут и объяснят, что никто ты и звать тебя никак. И тогда уж отношение совсем другое будет...

— А какие еще мутанты бывают? Расскажите? — нарушив повисшее в кунге молчание, попросил Ван. — На всякий случай. Мало ли...

— Ну, раз уж вы на Север идете — то логично было бы о Севере и рассказать, — подумав немного, ответил Ивашуров. — Сам не бывал, но слухи доходили. Так вот говорят, что, к примеру, водится там такое существо, как Белый Змей. Толстенный! Говорят — из тюленя мутировал: лапы такие же впереди и морда на него похожая. Жуткая, говорят, тварюга. Или — медведь. Здоровенный, раза в полтора больше обычного. На башке наросты какие-то... И главное — лысый везде, кроме брюха. Так, клочки шерсти только по телу разбросаны... Но уж на брюхе — такая волосня!.. По земле волочится. Ну, еще там, по мелочи... Зайцы есть чешуйчатые. Вот уж чудо природы! Рога вместо ушей, зубки остренькие и когти тоже в наличии. Полоснет по брюху — не поздоровится!

Данил усмехнулся недоверчиво — слишком уж это все на байки походило. Хотя — кто ж знает... Разве только местные.

— А еще — снежный человек там обитает, — продолжал Ивашуров. — Но тут явная аналогия с болванщиком и миксером прослеживается. И, похоже, что с менталами из Ленинградской области. Тоже гуманоид и мозгами работать горазд — других может контролировать на расстоянии.

— То есть — как это?! — поразился Сашка. — Себе подчиняет?

— Ну... это я точно не знаю, — замялся Ивашуров, — врать не буду. Но говорят — да.

— А у нас птица Рок водится, — подумав немного, сказал Счетчик, словно желая перещеголять Ивашурова по количеству известных ему мутантов. — Но эта, скорее всего, из вороны мутировала. Ворона точь-в-точь и есть, только размах крыльев метров десять.

Игорь Антонович недоверчиво хмыкнул:

— Слухи доходили... А вы-то сами видели ее?

— Сами? Да нас с Санькой одна такая птичка как-то чуть на завтрак не склевала! — криво улыбнулся Данил.

— Значит, правда все-таки. Слыхал я о ней, но не верилось... — Ивашуров вскочил, зашагал по кунгу туда-сюда, вцепился яростно в волосы, подергал, будто это помогало ему шустрее соображать. — Ну ладно — мутанты! А все эти необъяснимые явления?! Они — откуда?! Много раз я встречал людей, за которых мог бы головой поручиться, что они к категории пустобрехов не относятся! Один раз разговаривал с парнем — ну дурак дураком! Таких в послеперестроечные времена называли «новый русский»: лоб в палец шириной, соображалки ноль. Он и выдумать-то ничего не сможет. Но и из него я кой-чего вытянул, такое, что к ночи и поминать не стоит!

Данилу припомнились Родионич с Германом — вот от кого выдуманной истории ждать бесполезно. А меж тем и Герман, порой, жутковатые штучки рассказывал. Да и сам Данил — мог порассказать, мог... Про ту же ночь в детсаде. Или случай на развалинах завода, когда он несколько часов ползал по его территории и все никак не мог найти обратную дорогу, а Сашка, наблюдавший за ним в бинокль с крыши соседнего цеха, клялся и божился потом, что напарник кружил по десятиметровому пятаку. А случай в кинотеатре с Санькой? Из той же оперы...

— Так есть какие-нибудь гипотезы? — спросил он. — Что-то вы ведь думаете обо всем этом?

Ивашуров остановился, стянул с носа очки, протер о свитер.

— Не сказать, чтоб я терялся в догадках... — раздумчиво пробормотал он. — Яж все-таки с физикой пространства не в общих чертах знаком, диссертацию в свое время защитил... Есть у меня одна... м-м-м... гипотеза. Согласующаяся, кстати, в какой-то степени с теорией вашего мудреца из горного аула, — он кивнул головой Профу. — Интересно послушать?

Сталкеры закивали.

— Давай, Антоныч, — выразил общее настроение Профессор. — Пока едем — все время уьем...

Ивашуров еще раз протер очки и водрузил их на переносицу.

— Ну, слушайте. Известно ли вам, что в начале шестидесятых годов в СССР была испытана пятидесятимегатонная бомба?

Кубович присвистнул, да и остальные не смогли сдержать удивленные возгласы.

— Пятьдесят мегатонн? Ни хрена себе!..

— Да-да, пятьдесят мегатонн! И это благодарите Бога, что не испытали бомбу в сто мегатонн, хотя разработки велись! Есть версии, что именно про нее кричал Хрущев, когда двадцать третьего сентября тысяча девятьсот шестидесятого года, выступая на сессии ООН, бил своим башмаком по трибуне и угрожающе кричал американской делегации: «Я вам покажу Кузькину мать!».

Кунг грохнул от смеха. Не смеялся только Семеныч — поглядывал на молодежь снисходительно, зная, вероятно, об этом случае из жизни политиков тех времен.

— Что, так прямо и кричал? — сквозь смех выдавил Данил. — И башмаком лупил?

Ивашуров улыбнулся:

— Да, было, было... Никита Сергеич вообще отличался своими глупыми выходками. Как, впрочем, и Брежнев своим маразмом... Так вот, если бы эту... мать Кузьмы все-таки испытали, это привело бы к сильнейшему радиоактивному заражению местности, увеличив общемировой выброс радиации — на тот момент — на двадцать пять процентов. Впрочем, даже пятьдесят мегатонн послужили причиной очень сильного выброса. Взрыв был

воздушный, и вспышку можно было наблюдать даже на расстоянии в тысячу километров — на небосклоне словно зажглось второе солнце! Диаметр огненного шара достиг десяти километров, а гигантский гриб поднялся на высоту в шестьдесят! Даже при таком взрыве зона абсолютного уничтожения составила круг в двадцать с лишним километров, излучение вызывало ожоги третьей степени на расстоянии до ста километров, а взрывная волна три раза обогнула земной шар! Представляете, что было бы, взорви они бомбу в сотню мегатонн?!

Сказочник замолчал, глядя на своих слушателей. Аудитория, признаться, была поражена. Даже Семеныч утратил вид всезнающего мудреца и смотрел на Ивашурова затуманившимся взором. Пятьдесят мегатонн! Гриб, вспухающий на горизонте; взрывная волна, которая, катясь по земле, играючи сминает коробки домов, автомобили, людей; вспышку, превращающую все на двадцать километров вокруг в радиоактивную пыль... Как же глуп был человек, что посмел испытывать такую дьявольскую силищу на своей родной планете?! И насколько же хватило его кретинизма и тупости, чтоб наштамповать сотни, тысячи таких вот адских машинок!

— Хм. Так вот — о теориейке... — донесся откуда-то издалека голос Ивашурова.

Данил очнулся, выбираясь из пучины разбушевавшегося воображения.

— Сам я при таких взрывах не присутствовал — к тому времени, когда я коснулся этого направления, атмосферные испытания уже давно не проводились, взрывали только под землей и под океанским дном, но вот черновые записи некоторых причастных к экспериментам товарищей читать довелось. Получил доступ, когда работал над некоторыми секретными проектами. Так вот, кое-кто из тех, кто присутствовал при испытаниях, писал о каких-то сдвигах в момент удара в самой материи пространства... Четких записей не было — создавалось впечатление, что листы с ними изъяли даже из черновиков... но отдельные слова в тексте, изымать которые не имело смысла, — попадались. Моя догадка строится именно на этих крупицах информации. Понимаете... — он покрутил пальцами в воздухе, подыскивая формулировку, — я считаю, что в момент взрыва изменяется сама физика пространства. Что-то с пространственно-временным континуумом... Происходит какое-то искривление... — он засопел сосредоточенно — и развел руками. — Мне очень трудно объяснить это простыми словами! А физических формул вы не поймете. Словом, если пытаться объяснить предельно просто — пространство словно комкается, сминается, складывается в гармошку и соприкасается с другими точками пространства, которые могут находиться за десять, сто, тысячу километров, а то и за сотни миллионов световых лет!

Данил оторопело уставился на Ивашурова. С таким же изумлением глядели на него и остальные.

— Разве такое возможно?

— А почему нет? Кто скажет мне, что это ерунда?! — в голосе Сказочника послышались азартные, задиристые нотки. — Покажите мне этого человека! Физика пространства не изучена должным образом! А между тем, есть гипотезы, которые предполагают, что в других галактиках материя и пространство имеют совершенно другие свойства, нежели чем в нашей! И как вам, к примеру, такое предположение: наше пространство, соприкасаясь с пространством, лежащим в другой галактике, за миллионы световых лет, меняет под его влиянием свои физические законы, и именно это порождает все те странные, загадочные, порой жуткие явления, очевидцами которых мы с вами становимся?! И я утверждаю, что теоретически это вполне вероятно! Да что там теоретически! И практически, даже —

практически!.. Что мы, в конце концов, знаем об окружающем нас мире? Взять вот хотя бы «теорию струн»! Она гласит, что все элементарные частицы и их фундаментальные взаимодействия возникают в результате колебаний и взаимодействий квантовых струн в масштабах порядка планковской длины. Однако...

— Стоп, стоп, стоп! — подал голос Семеныч, со смехом размахивая руками. — На этом можно остановиться, Антоныч. Не все из нас знакомы с этой замечательной теорией и вряд ли поймут то, что ты хочешь рассказать. Ты и так уже наговорил на несколько дней неторопливого осмысления.

Ивашуров запнулся и смущенно улыбнулся:

— И впрямь... заболтался я что-то...

Тряска вдруг как-то внезапно окончилась — кунг взревел, перегазовывая, и пошел ровней, постепенно набирая скорость. Выглянув в окно, Данил увидел, что караван теперь движется по накатанной дороге — вероятно, это и был тот самый тракт, о котором утром говорил Ивашуров.

— Скоро в поселке будем, — кивнул в ответ на его вопросительный взгляд Сказочник. — Километров сто осталось, на час-полтора езды, не больше. А между тем, помнится, не так давно мне что-то было обещано... Запишем пару историй?

— Время есть. Обещал — сделаю, — согласился Данил и полез с полки вниз. — Ну что, Санька, про детсад расскажем?

Напарник кивнул, криво усмехаясь:

— А то. Уж за это мы с Даном чем хотите можем поручиться. Что там и как — только Хребет, наверное, теперь расскажет. Если жив, конечно...

Ивашуров живенько зашелестел тетрадью, выбирая, где бы записать новую историю. Перелистнул, разгладил рукой середину, взял карандаш — и поглядел на Добрынина.

— Готовы? — спросил тот. — Ну, тогда слушайте...

Глава 4

«В детском саде номер восемь...»

Как-то в один из дней — было это спустя примерно год после Черного каравана — в гости к Данилу зашел полковник.

Событие это было не ахти какое, Родионыч заглядывал иногда — деда проведать, с воспитанником поговорить, — но в этот раз заглянул ни свет ни заря, когда Добрынин, вернувшись со смены, собирался на боковую.

Только вывесил на просушку дезактивированные и отмытые до скрипа ОЗК, снарягу и оружие — тут в дверь и постучали. Приоткрыл, выглядывая, — полковник.

— Пустишь?

— Проходите, конечно, товарищ полковник, — посторонился Данил.

Впустил наставника, зевая и недвусмысленно показывая, что настроился всерьез и надолго задряхнуть, — однако Родионыч не вял. Уселся к маленькому столику за шкафом.

— Как дежурство?

Данил пожал плечами — вопрос был явно риторический. Главе Убежища наверняка уже доложили о ночном переполохе, но раз спрашивает...

— Да как... С выродками полночи бодались, да потом еще куропат на шум пожаловал... Хорошо — крупный калибр у нас теперь стоит. А то могли и не отбиться...

— Да, караван нам очень помог, — кивнул Родионыч, имея в виду проходивших неделю назад через город торговцев, у которых удалось закупить КПВ и «Корд» с боезапасом. — Ничего, это дело наживное. Оборону мы нормальную выстроим, не сомневайся. Только время дай...

Данил кивнул.

— Ладно, — не стал тянуть резину полковник. — Я чего зашел... Хотел сразу после их прохода с тобой переговорить, да как-то все не до того было. Меня вот что интересует: в детском саду, что неподалеку, напротив наркологии, вы с Сашкой еще не бывали?

Данил нахмурился и помотал головой. Детсад пользовался дурной славой. Как вечером не пойдешь — оттуда смешки детские раздаются, шепот какой-то, шаги... Жуть, одним словом. Туда из сталкеров никто не совался и не собирался. А вот Родионычу, похоже, приспичило.

— Ни мы там не были, никто другой. Не хочется туда лезть, товарищ полковник, — пробормотал Данил, отводя взгляд. — Странное место...

Родионыч кивнул.

— Может быть, может быть... — он помолчал немного, а потом, поглядывая на воспитанника, добавил: — а ты знаешь, что там человека без противогаза видели?

Данил уставился на наставника, выпучив глаза.

— Чего?!

— Караванчики и видели. В самом детском саду, в окне. Лысый мужик без противогаза. В руках — ружье. Стоял себе спокойно, смотрел на улицу. Завидел караван — дернулся и за подоконник нырнул.

— Бред какой-то свинячий! — ошарашенно пробормотал Данил.

В самом же деле — ну откуда мог там взяться человек, скажите на милость, да еще и без

противогаза? Какой такой безумец будет снимать «хрюшку» и стоять спокойно без защиты, любясь улицей? Дурь!..

— Вообще, честно сказать, — слишком уж много вокруг нас загадок, — задумчиво продолжал полковник. — Старшой ихний говорил — фон у нас высокий для провинциального-то городишки. Они много где бывали — если не брешет, конечно. Крупные города, понятно, все еще грязные стоят и некоторые из них фонят немилосердно, но городки подобные нашему — многие уже чисты. Я и сам, признаюсь, частенько об этом думал. Странно все это — городок маленький, а сбросили на него бомбы четыре, если не больше. Неужели столько ценностей в этой вашей войсковой части, что по ней прицельно били? Может быть, там хранилище ядерного оружия? Хотя нет, я бы знал — мне это по долгу службы раньше полагалось...

— Да врут, поди, — не согласился Данил. — Самая верная догадка напрашивается — цену набивает. Мы, дескать, жизнью рискуя через вас идем, хотя могли бы в другом месте так же торговать — вот и платите втридорога.

— Может, и так, — задумчиво пробормотал Родионыч. — Ладно, не о том сейчас речь. Ну, так что — проверите?

— Даже и не знаю... — замялся Данил.

Полковник нахмурился.

— Не понял...

Момент был щекотливый. А что сказать? Ведь и в самом деле — почему не проверить? По всем правилам следовало бы. Но... не скажешь же, что испугался. Да и не испугался вовсе, а... вот черт! Ведь ясно же, что с детским садом что-то не так! Засада какая: поглядеть, что там, — надо, обязательно надо, — а так не хочется...

— Ладно, — Родионыч поднялся, решив, видимо, больше его не мучить. — Смотрите сами. Но учти, друг мой. Не дай бог что случится — на нашей совести будет.

Данил промолчал, чувствуя, как заливают щеки краска. Вот стыдобища-то... Сталкер недоделанный. Зассал, получается...

— Ну — пойду я, пожалуй, — догадавшись, что творится на душе у воспитанника, усмехнулся полковник. — Но ты все ж подумай. Как из рейда возвращаться будете — так, может, надумаете заглянуть... Ладно, все, отдыхай, мешать не буду.

Вышел, осторожно притворив дверь — а Данил, терзаясь, долго еще валялся на разобранной кровати. В конце концов уснул, твердо решив, что в детсад они все же наведаются. И впрямь — очень любопытное местечко, нельзя его пропускать. А то ведь так и сам себя уважать перестанешь — струсил, что ни говори...

Сашка заявился только после обеда — забарабанил в дверь, как на пожар.

— Заходи! — крикнул Данил, сбрасывая одеяло и спуская ноги на пол, — ясно ведь, что друг пришел. Кто ж еще бунит так, будто у себя дома...

Стукнула дверь, зашуршало, грохнуло — Санька, вымахав к своим пятнадцати длинный, как верста, опять уронил снарягу товарища, висящую на плечиках на гвозде в тесной прихожке — и в комнату вошел напарник.

— Я в следующий раз специально заставлю тебя тот сейф с поверхности, из наркологии, тащить, — проворчал Данил. — По десять раз на дню заходишь и все запомнить не можешь. У меня раз груз и транспортный пояс там всегда висит, дурында ты длинная!

Санька ухмыльнулся — друг был в хорошем настроении, а значит, есть все шансы

выбраться сегодня наружу.

— Вот кстати насчет поверхности, — Сашка не стал ходить вокруг да около, а сразу же ухватил быка за рога. — Предлагаю сегодня смотаться. День вроде не жаркий, термометры еле двадцать показывают. Ночью дождь прошел, так что там сейчас благодать...

Данил почесал лысую макушку прикинул. В дежурство только послезавтра, так что даже если и до ночи задержаться, — завтра днем отоспаться можно. А иначе что делать? В зал разве что сходить?.. Но это на час-другой, не больше. А потом балду весь день пинать, бродить по Убежищу... Лучше уж наверх.

— А планы есть? — спросил он у друга. — Куда?

Тот пожал плечами:

— Да куда скажешь.

— Полковник утром был, — вспомнил вдруг Данил. — Предлагал нам с тобой в детский сад наведаться...

— И... что? — тут же набылчился Сашка. — Пойдем?..

— Караван, помнишь, приходил? Так вот караванчики там человека видели, внутри. Без противогаза, понял?

Сашка молчал, ожидая продолжения.

— Вот Родионьч и попросил — заглянуть, посмотреть...

— Илюху пусть посылает, — тут же возмутился товарищ. — Мы-то здесь при чем?! И потом — брехня все это! Там, наверно, рентген триста в здании. Смертник он что ли, человек этот?

— Ладно, не ерпенься. Надо бы проверить, — настойчиво сказал Данил. И добавил, вспомнив слова Родионьча: — Сам пойми — не дай бог, что случится... На нашей совести будет.

Сашка вздохнул — и согласился.

— Но только сначала по городу пройдемся. А там уж видно будет...

* * *

Выбраться из Убежища удалось только в середине дня. Пока собрались, пока то да сё... К тому моменту, когда за напарниками закрылась входная гермодверь, время было уже ближе к вечеру, чем к обеду. Сунулись было к хлебозаводу, пролезли по соседним домам, — но ничего интересного не нашли, за исключением старого, дряхлого, беспомощного выродка, на которого и патрон-то было жалко тратить. Словом — рейд не получался. Солнце уже клонилось к закату, и чтобы день совсем уж не прошел даром, напарники решили-таки произвести небольшую разведку.

Здание детского сада стояло чуть в глубине заросшего молодняком двора. Раньше, еще до Начала, от железного забора до его широкого крыльца вела асфальтированная дорожка. Теперь же дорожки той не было и в помине, асфальт остался лишь кусками, сменившись песком и щебнем, и местами, взломав его твердую корку, из-под земли пробивались тонкие зеленые побеги.

Стоя перед ржавой железной калиткой, друзья переглянулись.

— Точно пойдем? — в последний раз спросил старшего товарища Санька. — Не передумал? Жутко тут.... Смех этот... Мужик вот, опять же... И еще — вот скажи ты мне,

как это так могло случиться, что у всех домов в округе ни единого целого стекла в рамах нет, осколки только — а здесь все целехоньки, ни единой трещины? И блестят, как только что вымыты! Это как же так?!

— Ты думаешь, мне самому охота? — Данил оглядел притаившееся в глубине дворика среди буйной растительности здание. Здесь, под кронами деревьев, уже сгустился вечерний сумрак, и детский сад поэтому выглядел мрачновато, словно дом с привидениями из мультфильма. — Да мы быстро. Сунемся только, для очистки совести по этажам пройдем, — и назад.

Сашка вздохнул, но спорить не стал — Данила, быка упрямого, разве с цели свернешь? Тронул калитку — но та стояла, как влитая, даже не дрогнув заржавевшими за столько времени петлями.

— Видишь — не пускают, — сделал попытку пошутить Санька.

Данил отстранил напарника и, взявшись за ржавую ручку, потянул на себя. Калитка подалась...

— Прикрывай, — сказал Данил, ставя ружье рядом.

Ухватился поудобнее, уперся другой рукой в кирпичный столб основания — и резко рванул калитку на себя. Петли пронзительно завизжали, оповещая округу о настойчивости незваных гостей, но результат был достигнут — дверной проем оказался открытым ровно настолько, чтобы пропустить не только тощего Саньку, но и куда более плотного Данила.

— Входим, — сказал Добрынин и первым, держа наготове ружье, протиснулся в образовавшуюся щель.

Вблизи здание напоминало дряхлую, побитую жизнью старуху — осыпающаяся штукатурка, крошащийся кирпич, разваливающееся постепенно крыльцо, обрывки рубероида, свисающие с крыши... Дерево входной двери давно уже сгнило и зияет дырами... И только стекла в окнах — и это сразу бросалось в глаза, настораживая своей странностью и каким-то диким несоответствием остальной картине — блестели, словно десять минут назад отмытые старательной уборщицей.

Ступив на крыльцо, Данил достал фонарь. Постоял, прислушиваясь — в здании стояла могильная тишина. Щелкнул кнопкой, пожужжал динамкой, и, подсвечивая, заглянул в одну из дыр в двери. Взгляду его открылся темный квадратный пыльный холл с лестницей, один пролет которой поднимался на второй этаж, а другой — спускался в подвал. Кроме лестницы, здесь так же имелось четыре двери — две справа и две слева — и пятая, прямо, сделанная в виде арки. За аркой открывалось еще одно помещение, с разбросанными тут и там по полу серыми от пыли игрушками, стульчиками, столиками и прочей детсадовской атрибутикой.

«Ну и фонит тут, наверное... — подумал Данил, глядя на толстый слой пыли на полу и доставая дозиметр. — Если хотя бы рентген двадцать покажет — даже соваться не стоит».

Просунул руку в дыру, развернул дозиметр окошком к себе... Хмыкнул недоверчиво, пощелкал указателем режимов, переводя дозиметр в микрорентгены — и от неожиданности чуть его не выронил. Того, что он увидел, просто не могло быть! Радиация есть везде, даже на самой чистой местности всегда есть ее хотя бы тысячная доля. Но сейчас прибор, откалиброванный для регистрации малейшего фона, показывал абсолютный ноль.

— Слышь, Сань — ты опять прав, — повернувшись к напарнику, сказал Данил. — Домик-то и впрямь с душком...

Сашка тут же напрягся:

— В смысле?

— Да тут ноль. Абсолютный.

Даже сквозь стекла противогАЗа Данил увидел, как лезут на лоб глаза напарника.

— Правда что ли?

— Точно тебе говорю.

— Так что? Входим? Или ну его?..

Вместо ответа Данил толкнул дверь. Дерево, повисевшее под открытым небом двадцать лет, треснуло, и дверь, всей своей верхней половиной поднимая тучи пыли, рухнула внутрь.

— Добро пожаловать.

Держа наготове ружье с забитыми в оба ствола патронами с картечью, Данил осторожно шагнул внутрь. На короткое мгновение у него заложило уши — впечатление было такое, будто в здании и на улице существовала некая, пусть и минимальная разница в атмосферном давлении — но спустя секунду это ощущение исчезло. Он потряс головой, обернулся и поманил за собой напарника. Сам же, поминутно поглядывая в окошко дозиметра, регистрировавшего все тот же абсолютный ноль, крадучись двинулся вперед.

Почти сразу же стало ясно, что в здании вот уже много-много лет никто не появлялся — об этом свидетельствовал нетронутый слой пыли на полу, начинавшийся буквально сразу же от входной двери. Пыль лежала будто богатый персидский ковер — толсто, бархатисто — и на всей поверхности ее не имелось ни единого следа, кроме только что появившихся следов от бахил сталкеров.

— Видал? — Данил ткнул пальцем сначала в свои следы, а потом в ровный слой пыли на полу холла. — Что скажешь?

— Так кто же тут тогда ржет по вечерам? — озадаченно спросил Сашка. — И топот мы тоже не раз слышали... Мужик, опять же...

— А вот догадайся... — потер лоб Добрынин.

Его эти вопросы интересовали в той же степени, что и напарника.

— Дальше пойдем?

— Сань, завязывай уже, а? — усмехнулся Данил. — Вошли, чего ж возвращаться... Давай уж до конца доделаем.

Друг что-то буркнул, но Данил не разобрал — внимание его внезапно привлек шелестящий звук, доносящийся из-за правой стены.

Он вопросительно посмотрел на товарища.

— Слышишь?

Сашка прислушался:

— Вода?

Данил кивнул.

— Проверим.

Осторожно ступая и шаря по сторонам стволами, друзья заглянули в дверной проем. Комнатушка с одним узким окном, вероятно, когда-то использовалась как гардероб — вдоль одной стены, нагроможденные одна на другую, стояли облупившиеся от времени детские скамеечки и стульчики. Вдоль другой — покосившиеся желтенькие шкафчики с грибочками, ягодками, ежиками и лисичками на дверцах. В окно — чистое, без единой пылинки — падал мягкий вечерний свет, которого было вполне достаточно для нормального освещения комнаты, и потому источник звука долго искать не пришлось. Он стал понятен сразу же, едва

напарники заглянули в комнату — в дальнем углу, в декоративном фонтанчике, била струйка прозрачной жидкости. Вода?..

Друзья подобрались к фонтанчику поближе, принялись разглядывать. В чаше метрового диаметра, стоящей на тонком постаменте, расположилась целая деревенька. На островке, полукругом напротив скалы, изображавшей водопад, стояли маленькие, крытые красной черепицей, хатки. На вершине скалы — несколько кривых деревьев, между корнями которых и пробивался этот ручеек, стекая вниз к основанию и заполняя чашу до краев. Все это было сделано настолько искусно, что казалось, будто вот сейчас откроется дверка одной из хаток и на улицу выйдет ее маленький житель. Почешет пузико, посмотрит на небо, пробормочет что-нибудь вроде: «А солнце-то поднялось... Пора свиням давать...» — и пойдет в сараюшку, задавать свинюшкам корм.

Друзья переглянулись.

— Я не понял... — пробормотал Сашка, наклоняясь и заглядывая под чашу. — А откель водица-то?

Данил тоже заглянул — постамент как постамент. Тонкий, аккуратный. Мраморный, что ли... Попробовал пошатать — стоит, как влитой. В пол вделан, не иначе. Труба, похоже, внутри...

— Наверное, снизу в постамент труба подходит, — озвучил Сашка его мысли.

— Да как же это?.. — пробормотал Данил. — Столько лет с Начала прошло — откуда берется?

— ...в подвале...

Данил резко обернулся, уходя нырком в сторону и вскидывая двустволку — голос, казалось, раздался из ниоткуда прямо за спиной — однако комната была пуста. Оглянулся — Сашка сидел на одном колене, держа под прицелом дверной проем, и ствол автомата в его руках едва заметно подрагивал.

«Слышал?» — знаком спросил Данил.

Напарник кивнул.

«В холле?»

«Нет, здесь».

«Как?»

Сашка пожал плечами.

Данил, понимая, что друг, вероятно, ошибся, и за стеной действительно кто-то есть, держа наготове ружье, сместился чуть правее, открывая себе для обзора все большую площадь холла — никого. Глянул на пол — и по спине его поползла леденящая струйка страха. На полу, на толстом ковре пыли, виднелись всего лишь две пары следов — его и Сашкины. Следы же того, кто указал напарникам на подвал, отсутствовали.

Сверху, со второго этажа, вдруг послышались мягкие шажки, короткий мелодичный смешок — и тишина.

Данил, словно спринтер с низкого старта, бросился вперед. Ударившись плечом в косяк, вывалился в холл, подскочил к лестнице, и, прыгая сразу через три ступени, помчался наверх.

— Кто тут еще шутить взялся?! — заорал он во всю мощь легких. — Твою ж мать!.. Сейчас посмотрю на вас, на шутников! Все щупальца к чертовой матери вырву!

— Дан... Ты чего это?.. — сзади, сквозь его топот, полный глубочайшего недоумения, послышался голос напарника.

Данил обернулся на бегу — и, споткнувшись, замер на месте, от растерянности едва не

выронив ружье. Этого просто не могло быть, это полностью противоречило всем законам физики... но это было. Он по-прежнему находился на третьей ступеньке, а посреди холла, глядя на него во все глаза, стоял Санька.

— Ты... плывешь как будто... — хриплым голосом сказал напарник. — Вроде бежишь — а паришь над лестницей и еле ноги переставляешь...

— Руку дай, — напряженно ответил Данил, чувствуя, как закружилась вдруг на мгновение голова. — Да быстрее!..

Хрен его знает, что за лестница такая волшебная. Так и останешься здесь на третьей ступеньке навечно. Обрастешь хозяйством, заживешь...

Сашка подскочил, протягивая руку. Данил, ухватившись за напарника, соскочил со ступени, облегченно перевел дух.

— Сваливаем отсюда! Хватит!

Сашка не заставил себя упрашивать — рванул так, что пятки засверкали.

Шаг, другой, третий — и Данил, наострившийся было за товарищем, вдруг увидел, как на подходе к выходу замедляются его движения, становятся какими-то ленивыми, плавными, тягучими...

— Саня! Назад! Плывешь!

Напарник тут же встал, как вкопанный. Обернулся — в глазах растерянность...

— Здесь тоже?

Данил кивнул, ощущая, как на затылок вдруг легла ледяная рука ужаса и *понимания*... Сашка, видимо, тоже сообразил, что положение их совсем не завидно — сквозь стекла противогаза Данил увидел его глаза, каждый размером с куриное яйцо.

— Окно, Дан... — захрипел он вдруг так тихо, словно боялся, что его услышит тот, кто виновен во всех их здешних злоключениях.

Данил, мгновенно сообразив, метнулся в гардеробную.

Подскочил к окну — сзади в спину влип напарник — глянул в чистейшее, без единой пылинки стекло... и похолодел. Сама улица оставалось той же — вон здание диспансера напротив, вон и частично видимый из окна элеватор — но все остальное изменилось до неузнаваемости! Там, за окном, будто и не было этих двадцати лет бардака, прошедших после Начала, по аккуратной, чистой улице, по гладкому свежему асфальту на тротуарах, мимо подстриженного кустарника на газонах, шли люди. Много людей. Мужчины — в брюках со стрелками и рубашках с галстуками, с портфелями в руках, в промасленных спецовках и сапогах... Женщины — в красивых платьях, в туфлях, с сумочками, в комбинезонах, изляпанных известью и краской... Прошел, торопясь, какой-то сердитый дедок с папкой под мышкой, пробежала стайка ребятишек, проехал совершенно целый, сверкающий хромированным бампером, автомобиль... Все это происходило абсолютно беззвучно, словно в немом кино, хотя сталкеры отчетливо видели, как смеются и разговаривают люди за окном и как кричат что-то пробегающие мимо дети.

— С завода, похоже, идут, — дрожащим от напряжения голосом сказал за спиной Санька. — Дневная смена окончилась. Смотри — вон мужик чертежи какие-то тащит...

— Но... как, Саня? Как?!..

Сашка промычал что-то малопонятное.

— Слушай... а если нам...

Друзья переглянулись — и Данил мог бы поклясться, что за стеклами противогаза видит в глазах напарника одновременно испуг и какую-то несмелую надежду...

— Бей... — хрипло ответил друг. — Я хочу туда.

Данил помедлил немного, решаясь — и вытащил нож. Перехватил обратным хватом — и, что было сил, врезал торчащей из ладони рукоятью по стеклу. Рука, не встретив почти никакого сопротивления, провалилась в оконный проем, и в следующее мгновение Данил понял, что стекло — это вовсе и не стекло даже, а какая-то тонкая, но невероятно прочная, тянущаяся пленка. Она промялась под его ударом внутрь, на улицу, но не лопнула, а, спружинив, ударила по руке, выбив нож, и, возвратившись на свое место в оконном проеме, мелко завибрировала, словно желедрожалка. Нож, с грохотом скользя по полу, отлетел в дальний угол комнаты, с треском вонзившись в деревянный плинтус — и на втором этаже тут же грохнул какой-то злобный, полный дикого торжества, каркающий хохот.

Данил крутнулся вокруг себя, реагируя на этот звук, вскинул приклад к плечу, выцеливая дверной проем, — и так и застыл, потея от страха и ожидая, что же будет дальше. Однако здание детского сада вновь замерло в гробовом молчании.

— Да что ж это здесь творится-то, люди добрые?.. — Данил отчетливо услышал, как Сашкины зубы выбивают барабанную дробь. — Вот говорил же — ну нечего сюда лезть! Как выбираться-то теперь?!

— ... в подвале...

Данил вздрогнул, непроизвольно нажимая на спуски обеими пальцами. Звук сдвоенного выстрела в замкнутом помещении, больно рванув барабанные перепонки, заложил уши. Сашка, шараясь от неожиданности в сторону, влип плечом в стену — и на дрожащих, подламывающихся ногах, опустился на пол.

Данил, не спуская глаз с дверного проема, сместился к стене, присел рядом с напарником, перезаряжая двустволку.

— Ты как? Все нормально?

— Ты понял?.. Нас в подвал приглашают... — хихикнул Сашка — нервы его, похоже, были на пределе.

Голос напарника донесся, как через толстый слой ваты, — но слова он все же разобрал.

— Пойдем? Уж больно настойчиво зовут... — храбрясь, попытался пошутить товарищ, однако Данил видел, что Саньке страшно до одури.

Да и сам он, признаться, чувствовал сейчас нечто похожее. Слишком жутко все это было. Жутко, непонятно, необъяснимо — и по настоящему страшно...

— А у нас есть выбор? — спросил он шепотом, пытаясь унять предательскую дрожь в голосе.

Сашка, пожав плечами, привалился к стенке, содрал противогаз — автомат, однако, из рук не выпустил, предусмотрительно направив его на дверной проем.

— Ну и встряли ж мы... По полной — ни туда, ни сюда. Да еще и дрянь какая-то на втором этаже сидит...

— А противогаз-то зачем снял? — спросил Данил.

Сашка достал дозиметр, глянул в окошко — и молча продемонстрировал товарищу.

— Все еще ноль...

Данил помедлил — и тоже потянул кверху резиновую морду «хрюши».

— Так что? Пойдем? — спросил Сашка. — В подвал-то?..

— Саня, да у нас выбора нет. Сам видишь — двери для нас закрыты. В окнах — тоже черт те что творится. На второй этаж не пройти. Остается последний путь...

Сашку передернуло.

— Сплюнь! — злобно зашипел он. — Какой еще, на хрен, «последний путь»!..
Данил, осознав, что он сморозил, тут же поплевал через плечо.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

SIG SG 550 — швейцарская штурмовая винтовка. Очень качественное оружие.

Стрелковая система SCAR включает в себя два базовых варианта — «легкую» винтовку Mk.16 SCAR-L (Light) и «тяжелую» винтовку Mk.17 SCAR-H (Heavy). SCAR-L рассчитаны только на патроны калибра 5.56x45мм НАТО. Винтовки SCAR-H используют значительно более мощный патрон 7.62x51мм НАТО, с возможностью после замены необходимых компонент (затвор, ствол, нижняя часть ствольной коробки с приемником магазинов) использовать и другие патроны. В список «дополнительных» калибров для винтовок SCAR-H входит советский патрон 7.62x39 М43, причем с данным патроном винтовка SCAR-H должна использовать магазины от автоматов Калашникова АК/АКМ. Смена варианта осуществляется путем замены ствола силами самого бойца в течение нескольких минут или оружейника подразделения в условиях базы. Такая модульная система обеспечивает легкую адаптацию к любой поставленной задаче, от ближнего боя в городе до решения задач снайперской стрельбы на дальностях порядка 500–600 метров.

КШМ — командно-штабная машина.

Тут все просто. На местность проецируется циферблат часов, и каждый сектор соответствует цифре на нем. При том, что двенадцать — обычно сектор прямо по курсу. Если же, к примеру, говорится, что сектор три-шесть — значит, это сектор на местности между воображаемой тройкой и шестеркой.

КПВТ — «крупнокалиберный пулемет Васильева танковый». Тот же КПВ, но устанавливаемый на технику и имеющий электроспуск.

Короткими считаются расстояния до 200 метров, близкими — до 600, средними — до 1000, а дальними — до 2000 метров. Реальные дистанции снайперской стрельбы — до 1200 метров.

ПНВ — прибор ночного видения.

Реальная разработка. На данный момент известно, что разработки ведутся параллельно несколькими странами, в числе которых Россия, США и Великобритания.

В настоящее время рабочие опытные образцы армейского экзоскелета уже существуют в США, где разработкой системы HULC (Human Universal Load Carrier) занимается один из гигантов аэрокосмической промышленности Lockheed Martin. HULC разрабатывается на основе лицензионного соглашения, заключенного с фирмой Berkeley Bionics, в активе которой имеются экзоскелеты ExoClimber и ExoHiker. HULC должен объединить их возможности. Кроме того, экзоскелетами вплотную занимаются и в Японии.

В 2005 году компания ArNano создала материалы, которые, будучи многократно прочнее и легче стали, стали основой для необычайно прочной наноброни. Опытные образцы на основе вольфрама останавливали стальные снаряды, летящие на скорости 1,5 километра в секунду (при этом в точке удара создавалось давление до 250 тонн на квадратный сантиметр), а также — выдерживали статическую нагрузку в 350 тонн на квадратный сантиметр.